

Сергей Абрамов

МЕДЛЕННЫЙ СКОРЫЙ ПОЕЗД

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Сергей Абрамов

Медленный скорый поезд

«АСТ»

2013

Абрамов С. А.

Медленный скорый поезд / С. А. Абрамов — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-080067-4

Специалист экстра-класса, тайный сотрудник спецслужб по прозвищу Пастух, получает новое задание: доставить на скором поезде «Владивосток-Москва» прибывшую из Японии пожилую русскую даму, профессора Токийского университета. Но почему спецслужбы так заинтересованы в этой мирной старушке? И почему Пастух встречает в поезде людей из далекого прошлого – тех, кого давно нет на свете? И почему пейзаж за окном вагона вдруг внезапно меняется? Задание, которое на первый взгляд обещало легкое времяпрепровождение, оборачивается для Пастуха настоящим кошмаром...

ISBN 978-5-17-080067-4

© Абрамов С. А., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Абрамов

Медленный скорый поезд

© Сергей Абрамов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Пастух вошел в Спасские ворота и потопал по брусчатке Ивановской площади к корпусу номер четырнадцать, где располагались президентская администрация и лично Наставник, бывший не то правой, не то левой рукой Президента, а уж тот, судя по дверным табличкам в коридорах четвертого этажа, был многорук, как индийский бог Шива.

Секретарь Наставника, девушка без возраста и особых примет, улыбнулась Пастуху и сказала ласково:

– По вам можно часы сверять.

И тут же настенные часы в приемной скрипнули, поскрежетали чем-то внутри и начали отбивать полдень.

Пастух открыл обитую кожей дверь, вошел в кабинет, и Наставник, стоящий под портретом Президента у гигантского письменного стола, привычно повторил банальность про сверку часов.

Ну не умел опаздывать Пастух, войны его многочисленные тому научили – не выбить.

– Сядь, – сказал Наставник, – есть дело...

– В долгую? – спросил Пастух.

– В короткую, – ответил Наставник. – Неделя от силы. Завтра утром улетишь во Владивосток, переночуешь, утром в порту встретишь теплоход из Токио, он прибывает во Владик в час дня, ну, с каким-то опозданием, естественно. Встретишь одну пассажирку, не исключено – с большим багажом. Это ее фотки...

Пастух перебрал тонкую стопку цветных фотографий. На них смеялась, грустила, думала о чем-то, дразнилась очень пожилая, полная, явно невысокая и на первый взгляд весьма обаятельная женщина.

– Запомни ее, – сказал Наставник. – Фотки я заберу.

– Запомнил, – сказал Пастух. – И что дальше?

– Вот тебе два билета на поезд «Россия». Из Владивостока в Москву. Отправление в пятнадцать тридцать. Двухместное купе «люкс» с питанием, но за денежки, естественно...

– Это как? – перебил Пастух.

– Это значит, что можно всю дорогу не выходить из купе. Разве что в сортир. Но он тоже в купе.

– Двухместное – это, значит, я плюс тетенька с фотки?

– Умница, угадал. А теперь спроси: что это за тетенька и почему ты, такой крутой и всемогущий, назначен сопровождать сильно пожилую тетеньку в режиме increased risk? – И, не дожидаясь вопроса, объяснил: – А потому что эта бабуса, хоть ты умри, должна прибыть в Москву целой, невредимой, здоровой и, по возможности, веселой и всем довольной.

– Я человек невеселый, вы знаете, – сказал Пастух.

Ему очень не нравилась предстоящая миссия. Он никогда никого никуда не сопровождал, не опекал, не развлекал, не охранял, тем более – «сильно пожилую тетеньку» с багажом плюс, судя по всему, режим повышенной опасности.

– Зато она, говорят, веселая, – сказал Наставник, – за шесть суток обхохочешься. Если, конечно, никаких ЧП...

– А какие могут быть ЧП? Туалет засорился? Обед из ресторана холодный принесли?

– Эту ученую даму, Пастух, хотели бы заполучить как минимум три великих державы. Япония, из которой она отбывает. Соединенные, как положено, штаты Америки, которые за последние пять лет делали ей и ее мужу, ныне, к несчастью, покойному, такие предложения, что трудно отказаться. Ну и мы, то есть Академия наук, естественно, в эту дверку тоже исстучались. А они от всего отказывались...

– Патриоты Японии?

– Дурак ты, Пастух. Они русские. Из детишек, немцами угнанных с родителями где-то в начале сорок второго. Как они в войну жили? Сначала в концлагерях, в разных. Если глагол «жили» уместен... Скорее – выживали. Вопреки всему... Потом наша армия начала активное наступление, и в начале сорок пятого фашисты погнали обитателей концлагерей на запад. Ну и наши герои шли. Где-то с кем-то – он, где-то – она... Разница между ними – два года. Ему в сорок пятом было одиннадцать, ей – девять. Родителей ни у него, ни у нее уже не было в живых... Потом его кто-то усыновил, еще потом – ее кто-то удочерил. Немецкие семьи. Случалось так в сорок пятом. Чувство вины, что ли, вдруг проснувшееся... И с ними случилось, повезло... А потом выросли в новых семьях, уже в Западной Германии, поступили в Гейдельбергский университет на факультет физики, однажды познакомились друг с другом, ну и... Короче, полвека с лишком вместе. Вместе жили, вместе работали. А теперь она одна осталась. Муж ее год назад умер, кремирован, вот она и хочет захоронить его прах в России, в Москве, да еще и на Новодевичьем. Не слабо, а? Плюс она готова один год жить и работать здесь, в Москве. Пока – один. А может, и больше, если приживется, приработается, это уж как фишка ляжет... Вообще-то контракт с японцами она не прервала, только приостановила – на тот же год...

– А чем она и муж ее занимались?

– Физикой, Пастух. Оба – физики, оба почетные профессора, как минимум – пяти ведущих университетов мира. В том числе и родного Гейдельбергского, который их не только обучил, но и познакомил. И активно действующие профессора Токийского университета... – Добавил грустно: – Теперь она одна, мир праху мужа ее...

– Физика – огромное понятие. Можно узнать, в какой области?

– Зачем тебе это, Пастух? – изумился Наставник. – Я и сам толком не знаю. Что-то они там изобрели, связанное с перемещением сверххолодных нейтронов в параллельные пространства. Тебе это что-то говорит?

– Скорее напоминает, – согласился Пастух. – Читал нечто подобное разок-другой. Только это была фантастика, причем ненаучная.

– А вот и нет! Все подтверждено множеством опытов описанных, куча публикаций в научных журналах плюс международное признание, Пастух. Японская премия Сакураи. Штатовская национальная премия академии наук. Еще какие-то... Вот и наши готовятся вручить ей и супругу посмертно премию «Глобальная энергия». Лично Президент вручать будет... Какое она, премия эта, отношение имеет к нейтронам и к параллельным пространствам, я не ведаю, физику только в школе учил, тройка у меня была.

– А как она одна на теплоходе поплыла?

– Одна?... – Наставник засмеялся. – С ней поплыли два secret officer. В соседней каюте. По очереди дежурили у двери, она за весь рейс ни разу не выходила из каюты.

– Такой страх перед похищением? Ее ж не в рабство, не в кандалах, чай, плыла... Они ж и в Японии не в тайных хоромах прятались...

– За три дня до ее отбытия в Россию она получила сразу три сигнала. Первый – звонок по телефону лично ей с угрозами и требованием не покидать Японию. Говорили по-японски. Второй – телеграмма президенту университета о том, что на нее готовится покушение. Третий – в нее стреляли.

– Это как это? – не понял Пастух. – Посреди бела дня?

– Буквально. Когда она и ее студенты разговаривали на площадке перед выходом из университета.

– И не попали, да? Среди бела дня-то... А из чего стреляли?

– Ты удивишься. Из американской снайперки «М-24», оптический прицел, дальность стрельбы восемьсот метров.

– Не слабо, – сказал Пастух. – Это такую-то мощь да на одну пожилую тетку... И не попали?

– Эксперты полагают, что и не собирались попадать. Пулю нашли в стволе дерева, а сама она стояла рядышком, сантиметров в пяти от ее головы пуля легла.

– Предупреждали...

– То-то и оно. Но у нее, повторяю, – цель: похоронить мужа в России, в Москве. По нашим сведениям она – очень сильная и мужественная тетка, несмотря на ее семьдесят шесть.

– Не настолько же... – протянул Пастух с сомнением.

Он-то знал точно, что когда стреляют, надо не высовываться по-глупому. Тем более если нечем отстреливаться. Не нравилась ему эта история. Все как-то странно выглядело. Очень «романисто» от слова «роман». Чтоб прочитать и заплакать от восхищения судьбой этой неведомой пока женщины.

– Она абсолютно не верит в версию покушения. Ну – никак! Она считает, что все это – дешевые пугалки, что почему-то именно таким способом ее пытаются убедить не ехать в Россию, она даже с ректором университета, с другом ее старым на сей счет полаялась...

– А почему поезд? Почти неделя в вагоне. Прямо тюрьма...

– Это не каприз, Пастух. Она не может летать, сильно плохо ей там делается. Синдром замкнутого пространства.

– Не повезло тетеньке, – сказал Пастух. – Ладно, перетерпим. Билеты у кого?

– У моей секретарши. В пакете. Деньги – как обычно, у моего помощника, ты знаешь. Возьми побольше: мало ли что... Да, еще. Оружие тебе понадобится?

– Как я его в самолет пронесу?

– И не носи. Тебя с рейса заберут тамошние ребята, отвезут в отель. Что нужно, у них и возьмешь. Они не в курсе дела, просто ребята из разведки, знают, что тебе надо чуть-чуть помочь в гуманной и абсолютно безопасной миссии. Они же и встретят тетеньку, привезут в порт.

– А вот этого не надо, – не согласился Пастух. – Я сам ее встречу в порту. А они пусть подстрахуют. Но чтоб не светились. Я ее по фотке узнаю.

– И по росту, – засмеялся Наставник. – Метр с полтиной буквально. У нее ж и фамилия от приемных родителей – Кляйн. Марина Кляйн. Маленькая, значит... Короче, иди вон отсюда и не возвращайся без Маленькой...

Вот и поговорили. А в сухом остатке есть объект, которого следует сопровождать, обиходить, окормить, оберечь и по финалу сдать кому-то с рук на руки. Финита. Теоретически объект могут в дороге перевербовать, похитить, даже стереть. Очень теоретически. Приказ краток и невнятен по сути: бди, Пастух денно и ночно. То есть неусыпно заботься об объекте, следи за ним, бодрствуй все шесть с лихом суток ходу с одного края Страны и почти до другого. Всего-то и делов, как говорится...

Глава первая

Лететь во Владик предстояло долго – восемь с половиной часов, а то и больше, уж какой рейс выпадет. Ехать обратно по «железке» много дольше – сто сорок шесть с копейками часов, но там хоть передвигаться по вагону можно, полежать можно, поспать вдоволь, какую-никакую зарядку сделать, на дальней станции сойти – трава по пояс... Выходит, что эти сто сорок шесть часов поездом лучше девяти часов самолетом?

А вот и нет, думал Пастух, и то и другое плохо, потому что все одно долго и нудно. Бессмысленная потеря времени. Но все его эмоции на сей счет, понимал он, суть каприз и вообще фигня. А каково, к примеру, было высидеть трое суток на жаре в колючих кустах и со снайперской винтовочкой «М-24» – такой же, как и та, из коей по научной бабушке стреляли? Тяжко было. Но сидел. Кстати, по времени – полдороги от Владика до Москвы... И высидел того, кого ждал. Убил, естественно. Стоило это трехсуточного терпения? Бог его знает...

Пастух умел делать дело и никогда не заморачивался на счет жары, холода, голода и прочих неудобств, сопутствующих любому военному заданию – всегда военному, будь то война, будь то мир. Да и мир-то по нынешним временам очень сильно напоминает войну. Когда тихую, невидимую. Когда громкую, очевидную, бессмысленную – вроде многотысячных толп, спорящих о том, каким должен быть президент страны... Да каким бы ни был, все одно – был, есть и будет. Какой ни на есть, да хрен его снимешь, Конституция не позволит. А народ быстро привыкнет, стерпится, народ у нас, конечно, шумный, но в итоге всегда сговорчивый...

Вылетел Пастух из Шереметьева в двадцать минут пятого, летел спокойно, ел, когда давали, а в остальное время спал, поскольку разница во времени между столицей и Владиком составляет семь часов. Поэтому прилетел он в шесть пятьдесят по-местному, сразу в отель поехал. Знал – в какой, жилал он в нем как-то. И на сей раз его выбрал, потому что отель был самым большим в городе, шестьсот с лишним номеров, толпа постояльцев, в которой и жену родную сразу не узнаешь, а уж Пастуху в толпе потеряться – плевое дело. Но полезное.

А маленькую бабушку в отель вести не понадобится. Ее теплоход причалит в порту в тринадцать пятьдесят плюс-минус какие-то минуты, а поезд «Россия» отбывает в Москву в пятнадцать тридцать. Времени – только-только доехать из порта на вокзал. А ему – лишние три часа поспать в нормальных условиях. Сибаритство, конечно, но очень утишает. А что какие-то деньги на отель истратил, так они ж казенные, без счета отваленные, Наставник на своих людях не экономит.

Поспал, расплатился за сутки проживания, поехал в порт.

Японский корабль оказался большим, четырехпалубным и не шибко молодым. В порт Владивостока он пришел практически вовремя, минут двадцать причаливался, спустил пассажирский трап. Марину Пастух узнал сразу: такие маленькие тетки и нынче и вообще во все времена – редкость, а эта была ну прямо фея с цветка – на все отпущенные ей полтора метра, – крошечная, еле-еле до груди Пастуха доросла, уютно полненькая, быстрая, счастливо улыбающаяся и совсем даже не старая, несмотря на серьезный паспортный возраст. Если с точки зрения Пастуха, то, конечно, пожилая, а еще и шустрая, легкая, веселая. Прямо колобок из сказки.

– Здравствуйте, – сказала она звонко и радостно. И утвердила: – Это вы меня встречаете.

С ударением на «вы». Русский ее был вполне русским, несмотря на долгую жизнь в Германии, а потом в Японии, ну, может быть, что-то прибалтийское, на слух Пастуха, в ее русском имело место. Чуть-чуть. Мило даже.

– Я, – сказал Пастух. Странно, но бабуля ему, осторожному на эмоции, понравилась. – Меня зовут Пастух.

– А меня – Марина, – сказала она.

– А по отчеству?

– Давайте безо всяких отчеств. Марина – и все.
– Давайте, – с некоторым удивлением сказал Пастух, – только я сразу не привыкну...
– Привыкайте не сразу, – позволила Марина. – Я потерплю. А когда поезд на Москву?
– В пятнадцать тридцать. Надо поторопиться.
– Успеем, – уверенно сказал средних лет мужик, один из двух Марину сопровождавших. – Я звонил в Управление. Они дали указание железнодорожникам придержать поезд, если не будем успевать.

Все было выстроено по уму, счел Пастух, Контора веников не вяжет. Придержать поезд на десять – пятнадцать минут, а то и на полчаса, – да они бесследно потеряются в шести с лишним сутках пути.

Однако успели.

Загрузились в вагон, попрощались с провожающими, познакомились с проводницей, явно предупрежденной о каких-то супер-дупер пассажирах, помахали в окошко руками, тронулись.

Заказывая билеты на «Россию», клерки администрации Президента знали точно: люди в Москву едут солидные, важные, им непременно нужен вагон СВ, а в нем – купе «люкс», и чтоб два проводника на вагон, и чтоб чистый туалет, и глухие – тоже чистые, главное! – шторы на окнах, и еще одно главное: питаться лучше бы не в вагоне-ресторане, а в своем купе, обслуга ресторанный все заказанное мухой принесет. Такой вот поезд. Это удобно, счел Пастух, и благонадежно, поскольку идти в вагон-ресторан, сидеть там на виду у всяких пассажиров – не всегда комильфо, особенно когда любой из пассажиров может оказаться наймитом ЦРУ или Управления госбезопасности Японии.

Типа того. Но – в теории.

Хотя Пастух слабо верил в теоретически возможные попытки похитить Марину из поезда. Или вообще ликвидировать как персону нон грата на этом белом свете. Ну на хрена? Научный мир – это если и мафия, то все ж какая-никакая интеллигенция. С оговоркой: научная. Трудновато представить, что какие-то ученые мужи нанимают не интеллигентных, но опытных в своей профессии киднепперов, а те уносят женщину в мешке из-под картошки и вываливают где-нибудь в лаборатории перед компьютером или чего там еще есть? Нет, это тоже не комильфо, если чуток подумать...

А уж она и вовсе о том не думала.

Для начала она открыла нехилую дорожную сумку и оттуда стала доставать вот что: сперва – непечатую коробку конфет, потом – карманный нож с множеством опций от лезвия и штопора до отвертки и консервной открывашки, потом – коробку конфет с японскими иероглифами и девушкой в кимоно на фоне Фудзиямы, потом почему-то – средних габаритов альбом, явно с фотографиями, а в итоге – японский цветной журнал с ее портретом и, очевидно, портретом ее покойного мужа: рядышком они стояли, а сзади опять была Фудзияма.

– Это я, – сказала она, замечательно улыбаясь, – а это мой покойный муж Генрих или Гена по-русски.

Станным это казалось. Выросла она и утвердилась по жизни в Германии, много лет прожила в Японии, откуда ж тогда такие истинно русские, даже скорее советские хозяйственные замашки?..

Купе было невыносимо парадным, хотя и одновременно уютным, что вообще-то редко совмещается. Две низкие полки, мягкие, застеленные накрахмаленным бельем, по две пухлых подушки на каждой. Тяжелые шторы с ламбрекенами – золотые, парадные. На приоконном столике – бутылки с водой, маленький букетик живых цветов, на подносе – два тонких стакана, рядом – две чашки на блюдечках, а еще и корзиночка с конфетами и печеньем. И плюс выложенное Мариной...

Пастуху приходилось ездить по стране на поездах. На других. Где висели серые от вековой застиранности занавески на окнах, где чай подавался в треснутых граненых стаканах с железными подстаканниками и вообще не имел вкуса чая, где – вот главное! – подушка на полке была всего одна, плоская, жесткая, и наволочка почему-то всегда чуть влажная, а проводницы доброго слова не знали, но злых знали много. И если вдруг попадался запасливый и гостеприимный сосед или соседка по купе, по вагону, по полке, если говорили Пастуху: «Давай перекусим, мужик, чем Бог послал», то он с благодарностью принимал участие в дорожной трапезе – всегда долгой, многословной и ни к чему никого не обязывающей.

– Давайте перекусим, – сказала, по-прежнему улыбаясь, Марина. – Что было под рукой, то и прихватила. Кроме пирожков и сыра. Это я из пароходного ресторана украла.

– Спасибо, Марина, – абсолютно искренне сказал Пастух. – Но может, лучше заказать обед в вагоне-ресторане? Быстро принесут...

– Ой, я пообедала перед прибытием в порт. Правда, так, наскоро, мы уже почти причаливали. Эти мальчишки... как это у вас: топтуны?.. какое уютное прозвище, прямо как про медвежат... они меня торопили... А здесь можно заказать еду в купе? В России появился такой сервис?

– Вы ж не помните, какой сервис в России. Вам же, насколько я знаю, было всего пять лет, когда началась война и ваш город оккупировали фашисты...

– Я все помню, – просто сказала Марина. – У меня очень хорошая память, она хранит всю мою жизнь – от детского сада, куда меня мама водила, до этого уютного вагона, у вас наконец-то научились хорошему сервису... – И спросила с сомнением: – Может, не надо все убирать в сумку? Может, пригодится?

– Конечно, пригодится, – легко согласился Пастух. – Все пригодится. Путь у нас долгий... А вы правда не любите летать?

– Не могу, – сказала она. – Боюсь закрытых намертво пространств. Там нет воздуха. То есть он есть, но – за иллюминатором. Я в самолете сразу умираю. Буквально. А мне этого очень не хочется. Даже сейчас, когда я одна на свете осталась...

И Пастух впервые увидел Марину погрузневшей и сразу как-то состарившейся. На все ее немалые семьдесят шесть.

– Давайте перекусим, чем Бог в вашем лице послал, – сказал он. – А вечером ужин закажем.

Так и сделали.

А ночью Пастух проснулся от того, что поезд стоял.

Марина на своей полке, съжившись в круглый комочек, спала сладко, малость посапывала, даже отчего-то всхлипывала. Пастух сначала глянул на часы: час пятьдесят три ночи они показывали, отодвинул штору, увидел слабо освещенный перрон, здание вокзала, над входом в который значилось название станции: «Вяземский». Фамилия прямо хрестоматийная. Хотя вряд ли князь Петр Андреевич здесь бывал, слишком уж далеко от села Мещерского Саратовской губернии, а уж тем более от столицы. Хотя – кто его знает...

Пастух нашарил штаны от тренировочного костюма, натянул их, потом открыл свою дорожную сумку, поискал и нашел связочку из трех вагонных ключей: с треугольной насадкой, с четырехугольной и с простой бороздкой. Он эту связочку специально положил в сумку: все-таки шесть суток в поезде, а вдруг да понадобится? И вот ведь понадобилась. Спрятал в карман штанов, тихонько вышел в коридор, осторожно закрыв за собой дверь в купе. Сонно было в вагоне, тихо, скучно и прохладно. Дверь в тамбур была нараспашку. Там оказалось повеселее. Вагонная проводница, стоя на нижней ступеньке вагонной лестнички, шумно базарила с каким-то мужиком, и базар этот подозрительным показался Пастуху.

– Нет здесь таких, – громко и с каким-то областным акцентом говорила проводница, – все, кто во Владике сел, я всех знаю, а ты мне зубы не замарывай, не пушу. Иди вон в соседний

вагон, там места есть... – И криком по перрону: – Ленка, Ленка, выйди, посади мужиков, им очень в Хабаровск хочется...

Стихло.

Станным показалось то, что некие мужики числом два среди ночи захотели проехать до Хабаровска именно в самом комфортном и дорогом вагоне. И что б плюнуть на этот нелепый подслушанный разговор, так не плевалось как-то. Пастух привычно, на автомате, насто-рожился. Сам понимал: и было б с чего? Ан нет. Медленно и неслышно пошел по не стертой еще ковровой дорожке к тамбуру – ну, покурить как бы захотелось человеку! – вышел в тамбур и прикрыл за собой дверь. Щель оставил.

– Сойти, что ли, хотите? – поинтересовалась проводница. – Вообще-то мы через десять минут тронемся...

– Не спится, – пожаловался Пастух. – Хоть десять минут воздухом подышу. Не конди-ционированным.

– Дышите на здоровье. – Она сошла со ступеньки, встала стражем.

А Пастух не стал выходить на перрон, а открыл межвагонную дверь, потом аккуратно закрыл ее за собой, открыл следующую и оказался в соседнем вагоне. Тот тоже был вполне шикарным, хотя и победнее в отделке.

Тамошняя проводница разговаривала с двумя молодыми парнями, лет по тридцать с копейками каждому, одетыми вполне прилично, даже вон в пиджаках, несмотря на жару. Раз-говор явно завершался, потому что один из мужиков достал из кармана пиджака бумажник и отдал тетке какую-то купюру.

Проводница сказала:

– Второе купе. Только белья не дам. Два с небольшим часа до Хабаровска. Сидя пере-бьетесь.

Мужики не возражали. Пошли сидя перебиваться в свое второе купе, там и закрылись.

А Пастух вошел в вагонный коридор, миновал означенное второе купе и встал у окошка, вроде как всматриваясь в постепенно разгоняющийся за ним пейзаж, ждал продолжения. Чувал селезенкой, что оно какое-то – да будет.

Поезд неторопливо и нешумно тронулся, медленно-медленно проплыл мимо вокзал, ред-кие ночные тетки, чего-то все еще продававшие на перроне, станционные фонари, плакат со странной надписью: «Лес – это твоя жизнь». То есть надо понять, что здесь все лесом живут: пилят, строят, продают, дышат лесным воздухом.

Пастух стоял в чужом тамбуре и ждал. Что-то чувал. Что-то не очень доброе. Мужики эти вот... Спать совсем даже не хотелось.

И ведь дождался!

Минут эдак через двадцать пять – тридцать неторопливо, аккуратно открылась дверь второго купе, и в коридор вышли давешние мужики. Тихо вышли, тихо пошли от Пастуха – к тамбуру. Пастух дождался, когда они выйдут в тамбур, и бесшумно пустился следом за ними, проскочил коридор, тамбур, межвагонный переход и буквально выпал в тамбур своего вагона, а там как раз те ребята передохнуть и вздумали, притормозили. Ну все же не хотели они в вагоне поплотнее ехать, ну в самый «люкс» они хотели, несмотря на несогласие первой проводницы.

– Ты каким ветром, брат? – спросил один из мужиков, явно ошарашенный появлением Пастуха. – Куда так ломишься?

– Я в этом вагоне еду, – объяснил Пастух. – А вы-то откуда взялись?

– В Вяземском подсели. Нам в Хабаровск надо.

– А проводница знает?

– Знает, знает. Чего допрашиваешь? Иди своим путем.

– Да я с вами постою, – решил Пастух. – Не спится мне.

– Иди куда шел. – Один из мужиков, лидер в паре, похоже, поднял голос и сунул руку в карман. Потом передумал, вынул руку, спросил: – Ты из этого вагона?

– Из этого.

– А своих соседей по вагону видел?

– Ну, видел. А что?

– Есть там пассажиры, которые через Владик транзитом из Японии в Европу едут?

– Есть, наверно. Не знаю. А зачем вам?

– Поговорить хотим, – засмеялся второй мужик. – Которые из Японии, они всегда сначала разговаривают...

И ведь с виду – явно не хулиганы с улицы, не алкаши, не наркоманы, не бандиты голимые, а простые хорошие мужики стояли перед Пастухом и не выламывались, говорили спокойно, без угроз, будто зная, что все в порядке, что никакие бессонные пассажиры поезда «Россия» не помешают им поговорить с проезжими из Японии – о жизни.

Никого из Японии, кроме Марины, Пастух в вагоне не знал. Хотя, может, такие и были. И наверно, что-то серьезное оттуда везли. Цифровую технику, например. Но не Марина.

Можно было продолжить это ночное ля-ля. Но не хотелось. Да и кто они? Бандюки железнодорожные? Ночные воры? Или даже менты – эти могли таким ночным промыслом заниматься... Но тогда они бы не ввали проводнице, более того – она бы их легко вычислила, а то и узнала б... И они – не убийцы. Они скорее майданники, поездные воры. Странновато, правда, что проводница их не знает. Или...

Береженого, как известно, и Бог бережет.

Пастух достал из кармана треников вагонный ключ, шагнул к двери и отпер ее. Открыл. Мощный нетеплый ветер рванулся в тамбур.

– Ты зачем? – озадаченно спросил второй мужик.

– Там воздух свежий, – объяснил Пастух.

И без размаха, резко прямыми пальцами ткнул мужика под ложечку, как концом доски ударил, легко пробил пресс, мужик невольно согнулся, Пастух перехватил его руку, вывернул за спину, сломал мужика пополам и вытолкнул из вагона.

Он и не вякнул. Не успел просто. Улетел в ночь.

Там, за дверью, вообще-то, заметил Пастух, длинный откос имел место, поезд явно шел по насыпи, и коли выпавший мужик набрал «майданного» опыта, так жив останется, небось и прежде его ловили за руку и выкидывали на свежий воздух.

А Пастух мгновенно повернулся ко второму, явно старшему.

Тот, дурачок, достал-таки пистолет. «Макаров», естественно, у него был, табельное оружие. И, повернувшись, перекрывая жесткий стук вагонных колес, заорал, прижимая локоть правой руки к боку, выставив вперед дуло:

– Руки в гору!

Ну прям ковбой, блин...

А и чего удивляться? Кто они, эти ребята? Да кто угодно! Они, не исключено, и стрелять-то по человекам не научились толком, не было серьезной практики. Разве что в тире, в нарисованные черные силуэты или на охоте – в божий свет, из пьяной лихости.

Или не гнать подспудных подозрений и считать всех поганцев, попавших в вагон, как покусителей на охраняемый Пастухом объект, а? Сиречь – Марину. Вполне удобная позиция. Кто не с нами, как говорится...

То-то кстати пришлось проснуться Пастуху.

Он видел, что легко дотянется, тесно в тамбуре было. Резко – ну, мгновение! – качнулся вправо, уходя из-под ствола «макарова», цапнул своей левой правую руку мужика, сначала круто вывернул ему ладонь – так, что пальцы на рукояти разжались и Пастух легко поймал

выпавший пистолет, и заломил мужику руку за спину – тот согнулся в три погибели, вякнул, задыхаясь и от боли, и от позы петушиной, срамной:

– Отпусти, сука...

– Отпускаю, – согласился Пастух.

И легко толкнул его в открытую дверь вагона – на насыпь, на травку, в кустики, в канаву, с лету. Ну, сломает себе мужик чего-либо. Руку, например. Или шею. Да Бог с ним, право! Заживет, как на псе. Или не успеет зажить... Как сказано: коемужды по делом его. И еще сказано: баба с возу, кобыле легче. В данной ситуации Пастух согласен был назваться кобылой. Ему хотелось, чтоб легче.

Пистолет он тоже следом выбросил, зачем Пастуху лишний «макаров».

Закрыв дверь, ощутив ярую мощь состава, аж голову назад швырнуло. Запер дверь вагонным ключом. Хорошие здесь проводницы, не скандальные, спокойные. Плюс, похоже, глуховатые. Это правильно.

И пошел к себе в купе.

А Марина как спала, так и спала, положив щеку на ладонь и до носа укрыв себя хорошим казенным одеялом. Толковый сон в ее возрасте, крепкий. И, как отметил Пастух, без снотворного. А сам почему-то заснуть не смог. Лежал на вагонном диванчике, смотрел в потолок, по которому время от времени пробежали отсветы чего-то, а чего – Пастуху лень было выглянуть, он размышлял. О спутнице своей, вестимо.

Точка опоры. Основание. Повод для действий. Формулировка навскидку: всяк, кто объявился в их вагоне после того, как поезд отошел от вокзального перрона во Владивостоке, должен считаться Пастухом как минимум подозрительным. Что сие значит? Да ничего особенного. Подозрения – не действия поначалу. Присмотреться, послушать, притереться, прикинуть... Обычная для Пастуха рутинная процедура.

Берем данный случай. Два мужика по ночному времени решили пощипать богатых пассажиров в вагоне «люкс». Вариант нормальный, бытовой.

Иной вариант. Кто-то нацелился именно на Марину. Тоже вероятно, на то и Наставник намекал. Но кому и зачем понадобилось пугать ее мужиками с «макаровым»? Наставник и впрямь предполагал такой ход событий, но откуда взялись предположения, не объяснил. Нельзя же всерьез полагать, что ее преследуют агенты или, лучше, наемиты ФБР, ЦРУ, японской контрразведки «Наихо» или вообще вездесущего израильского «Моссада». А Контора в лице не числящегося в ней Пастуха именно Пастухом должна прикрыть несчастную от взглядов, кулаков, пистолетов и прочих базук. Бред! Если эти мужики все же из Конторы, то жаль эту Контору... На крайняк – менты... Но вряд ли они казенные. Вольная шантрапа, местные бандиты рядовые, необученные... Пугалка.

А на фига, спрашивается, пугать Марину? Что у нее можно украсть, кроме нее самой?

Научная деятельность пожилой супружеской пары? Украсть открытие? Теоретически допустимо. Но, как правило, крадут то, что можно легко продать. Или использовать. Стоит спросить Марину: имела ли она одна или еще с мужем предложения продать это открытие про «параллельные пространства», как Наставник сказал?... И если да, то кто предлагал?... Так, между прочим, спросить, вроде из любопытства, не пугая пожилую женщину...

А никакой другой причины интересоваться проезжей научной дамой Пастух не видел. Даже банальный гоп-стоп здесь не катит: Марина не выглядит заманчивым объектом кражи. Хоть и из Японии прибыла. Так, милая, обаятельная, общительная провинциальная бабуса. Едет в Столицу навестить, например, внучат в кои-то веки. Не исключено, что за шесть с лихом дней со всеми вагонными пассажирами перезнакомится.

Но понимал: никакую версию из теоретически возможных сбрасывать нельзя. Есть факт: предотвращена попытка... чего?... банального ограбления, допустим, пассажиров вагона. Пресекали ее! Ура! Но пессимистично дополнить: первая попытка. Резонно ждать вторую. Не замо-

рачиваясь насчет причин оной. Его, Пастуха, Наставник отправил толково сопровождать гостью по Транссибирской магистрали. Он и сопровождает. Как умеет. Хотя «толково» – понятие весьма широкое.

А вот тактично, ненавязчиво порасспросить Марину о ее с мужем научной работе стоит. Со вполне убедительным любопытством наивного неопита. Да и просто из личного любопытства. Потому что никак Пастух не мог поверить, что какие-то там нейтроны каким-то неясным образом попадают в банальное, давно сочиненное и обжитое писателями-фантастами параллельное пространство. Ну не могут нейтроны быть и вправду быстрее фантастов...

До рассвета всего ничего осталось. Но хоть час да мой, как говорится. Или два, сколько получится. Спи, сказал себе Пастух и заснул мгновенно. Школа войны, полезная школа.

Глава вторая

А поутру они проснулись.

Вообще-то кино такое было – значит, все у них как в кино начинается.

Марины в купе не наличествовало, но из-за полуприкрытой двери купе слышался ее голос, страстно убеждающий кого-то незнаемого в том, что японские груши – красные тедзуро и синие нидзюсейки не только фантастически вкусны, но полезны гипертоникам, потому что в них много кальция. Незнаемый – мужчина и явно не юный по голосу – легко соглашался, но вежливо напоминал Марине о том, что груши еще и предотвращают кариес из-за обилия в них сорбита. Какая-то прямо медконференция на ходу...

А Пастух никогда не ел японских груш. Русские, бывало, пробовал, но яблоки ему нравились больше: их и было больше, они быстро, хотя и не надолго, умирляли голод, что весьма полезно для бытия там, где идет война и где эти яблоки хорошо и много растут и созревают. Сорвешь парочку и – сыт на час.

Лежать лишнее было вредно для дела. Он мухой натянул джинсы и футболку, вышел в коридор и увидел прелестную пожилую парочку у вагонного окна – Марина и какой-то мужик лет на вид шестидесяти с гаком, а так лет на пять-шесть потянет, седой, высокий, подтянутый, поджарый, загорелый – ну прямо актер Шон Коннери в роли Джеймса Бонда на заслуженной пенсии. Марина была ему где-то по грудь. Или вообще по пупок. Он даже выше Пастуха был – сантиметра на три, а рост у Пастуха совсем не детский, нет.

Марина – как бы и не ночевавшая на вагонной полке, свежая, сияющая крохотулька – обернулась к Пастуху и радостно сказала сразу много:

– С добрым утром! Как спалось? А погода-то, погода какая! Вот и Борис Павлович с нами едет, познакомьтесь. Это Борис Павлович, он из Москвы, он во Владивостоке в командировке был и тоже не любит самолетов. А это Пастух, мой замечательный спутник и сопровождающий, он тоже из Москвы, только из Академии наук...

Что сказала? Почему из Академии? Пастух вообще не говорил ей, кто он: встречающий-провожающий и – точка... Хотя почему бы и не из Академии? Откуда ему взяться, как не из Академии, то есть приглашающей стороны...

– Здрасьте, – сказал Пастух, – Пастух меня зовут. Из Академии наук я. Служба протокола. Вот сопровождаю профессора...

– Борис Павлович, – с приязнью представился Джеймс Бонд. – Строитель. Возвращаюсь вот...

– Девелоперский бизнес? – спросил Пастух, знавший всякие иностранные слова, намертво прижившиеся в русском новоязе, а русский язык во все времена гостеприимным слыл.

– Он самый, – засмеялся Бонд. – Выращиваю его и умножаю. Вот и до Владика добрался...

Вообще-то не шибко нравился Пастуху этот строитель. И вовсе не потому, что он его в чем-то подозревал, а просто так – было их двое в группе, а тут раз – и третий. Который лишний по определению. Марина – человек явно сверхобщительный, и, соображал Пастух, кроме Бонда, за шесть суток рядом с Мариной могут появиться и другие пассажиры. Путь долгий, хорошая компания его красит, это факт, а Пастух – неважный собеседник. Не о чем ему рассказывать, а о чем есть, то закрыто и захоронено. Гриф: «Совершенно секретно». Да и вообще не многословен он по жизни-то...

Но молчаливым участником бесед Марины, с кем бы они ни случились, ему стать придется. Слушать и слышать он умеет отменно. И поддакивать горазд, если что...

– Вы завтракали? – спросил Бонд Марину.

– Еще нет, – ответила она. – Я ждала, когда Пастух проснется, он, по-моему, ночью толком и не поспал.

– Да ну? – изящно удивился Бонд. – Неужто дамы?

– Не спалось что-то, – соврал Пастух, параллельно удивляясь осведомленности счастливо почивавшей Марины. – Я и вообще в поездах сплю скверно. Трясет, колеса стучат... А вы что, тоже самолеты не любите? Как и Марина?

– Терпеть не могу. Я позорно боюсь летать. Мне в самолете сразу нехорошо делается... – И предложил: – А пошли-ка мы в вагон-ресторан, там славно, я ж частенько во Владик путешествую, и кормят отменно.

– Не хочется что-то, – сказал Пастух. Он и впрямь категорически не хотел покидать с Мариной спальный вагон. – Лучше закажем в купе.

– Ага, – подтвердил Бонд, – и будем втроем вольтижировать на приоконном столике. Кто что уронит, тот осален. Это ж так неудобно, ребяточки...

Конечно, он был прав. Но изначальный замысел не выходить из родного вагона внятно рушился. Замысел был рассчитан на двоих. Третьего не предполагалось. И глупо, и зря. Не исключено, что общительная Марина сегодня к вечеру будет знакома со всем населением вагона «люкс», и уж тем более если она часок-другой постоит в коридоре. Никто мимо не пройдет. Запретить ей знакомиться и разговаривать с пассажирами Пастух не мог. По роли он был всего-то сопровождающий, шестерка по сути, сильный и опытный, но отнюдь не старший в паре. В этом случае лучше будет попробовать замкнуться на одном Бонде. Он вроде нормальный мужик – и по профессии, и по виду, и по разговору. Помоложе Марины, но, вольно считал Пастух, все, кому за шестьдесят, навек – ровесники. Плюс-минус пять-шесть лет – это им не срок. И как быть? Запирать междувагонные двери ключом – не выход. Глупо. Надо идти в ресторан, чего уж там... Просто условия проведения операции изменились к худшему, частый, к сожалению, вариант, проходили не раз.

– Согласен, – сказал Пастух.

Показалось или нет, но вроде поймал благодарный взгляд Марины. Или не взгляд, а импульс какой-то, сам не понял.

До вагона-ресторана добрались славно. Бонд шел первым, боком шел, полуобернувшись, потому что галантно поддерживал Марину за руку, а Пастух замыкал процессию. Ресторан был устроен логично, но затейливо. Столы, крытые клетчатыми скатертями справа и слева от прохода, лавки с синей мягкой обивкой по обе стороны каждого стола, на окнах длинные легкие шторы в тон скатертям, бар в конце вагона, бармен за стойкой – рубашка белая, бабочка черная, сам – приветливость и радушие. Два стола были заняты, остальные свободны. За этими двумя сидели явно две семьи – мамы с папами, детишки – от трех до примерно семи лет. Очень не тихие.

Устроились за свободным столом, бармен недлинное меню подал. Заказали. Пока ждали заказанное, Бонд поведал пару историй из своей строительной жизни, Марина смеялась. А тут еще одна компашка в ресторан выбралась: две девицы явно провинциального покроя и два молодых парня, смутно похожих на ночных гостей, искавших «пассажиров из Японии». Но не те, конечно, Пастух тех более-менее запомнил, да и выпали они из поезда в финале. А эти – другие. Но на всякий пожарный Пастух принял, фигурально выражаясь, стартовую позу. Да он в любом деле неизменно и постоянно был в стартовой позе. Другой вопрос, что стартовать по свистку, слава Богу, в последнее время случалось не слишком часто.

Бонд едва ли не всерьез пытал Марину, вытягивал из нее хоть какое-то описание их с мужем фантастических опытов с параллельным пространством. Пастух слушал на автомате, на нем же и пытался поймать Бонда на фальши, на переборе с любопытством, но не получалось: клиент был действительно азартен, но в азарте своем не фальшив. Марина смеялась, уходила от подробностей, переводила разговор на иные темы, пыталась выяснить, а чем это сам Бонд

занимается в жизни. К мороженому Бонд сдался, отстал от Марины и ее научных тайн и сообщил правду о себе.

– Я игрок, – сказал он. – Профессиональный. Чем и зарабатываю на старости лет.

– Игрок во что? – искренне не поняла Марина.

– В карты, – объяснил Бонд. – Покер. Преферанс. Бридж. Это работа. А так, для забавы и утешения прекрасных дам, во что угодно – от штосса до буры.

– А кто сейчас в буру играет? – Пастух знал, кто играет, но спросил.

Типа – любопытный. А от Бонда не убудет.

– Как ни смешно, многие. И в первую очередь зека. В зонах. Удобно. Легко. Колоду нарисовать нехитро. Играют двое. Тридцать шесть листов колода. Туз – одиннадцать. Десятка – десять. Король – четыре. Дама – три. Валет – два. Остальные карты ничего не стоят. Считать легко. Простенькая игрушка, но затягивает... Время идет быстро...

– Этим и зарабатываете? – Пастуха заело.

– И причем немало, – засмеялся Бонд. – Только не бурой. А вы что, молодой человек, хотите раскинуть колоду?

– У меня другое хобби, – ответил Пастух.

Ну не нравился-таки ему Бонд. Ну слишком он был прост в общении, а точнее, развязан, обаяние его лилось через край, и Пастух хотел не хотел, а чуял легкую фальшивинку в щедро раскованном поведении Бонда. Хотя и понимал: это не специально к случаю, это стабильный метод поведения, метод легко, вольно и с успехом жить, карты для Бонда – не работа, а его стиль, его натура плюс выигранные денежки. Похоже, что так. И по-любому, если он как-то и связан с теми загадочными силами, которые теоретически хотят похитить Марину, то опять же как-то неловленно, ненавязчиво. Игрок! И если он и впрямь из неведомой пока команды ловцов, то, надеялся Пастух, если и не похитить они целят Марину, так, допустим, развернуть вспять. Похоже, время оттянуть. Вот зачем – неясно. Хотя выводы делать рано, да и не из чего пока, никаких внятных поводов подозревать мужика в чем-то нехорошем не имеется, просто мания преследования какая-то дурацкая у Пастуха обозначилась...

А Бонд, гад, не унимался.

– Какое ж у вас хобби, молодой друг? – настаивал он. – Обхаживать дам, которые малость постарше вас?

И тут вмешалась Марина:

– Не обхаживать, милый Борис Павлович, а сопровождать пожилую даму и оберегать ее от всяких соблазнов. Как, к примеру, партия преферанса или покера с профессионалом. А буру не люблю, тупая игра... Но я не могу отказать себе пойти на этот соблазн. Простите меня, Пастух. Борис Павлович, давайте карты! Играем в преф на вылет...

– Это как? – не понял Бонд. – Куда и из чего вылетать? Нас же двое.

– Что это меняет? Я же сказала: «на вылет». Нормальный карточный термин. Проиграл игру или серию игр – и вышел из игры. Просто ведь. Я чуть-чуть усложню, чтоб интереснее было. Кто проиграет, тот и сойдет на первой же станции. И будет ждать следующего поезда. Один-одинешенек. Игра по-крупному. Идет? Или слабо, а, Борис Павлович?

Это было очень круто, по мнению Пастуха. И неожиданно...

Уж на что Бонд вальяжен был и раскован, а тут вот прямо онемел на пару мгновений, и какой уж там poker face, на роже удивление не скрыл. Пастуху это приятно было. Но махонький вопросик – не к Бонду, а вот как раз к Марине – всплыл, пакостник: а если Марина проиграет, то, значит, она пошлепает по шпалам, так?.. Де-юре – да, пошлепает, сознавал Пастух, но кто ж ее де-факто на шпалы-то пустит? Уж никак не он, не Пастух. И она это знает. Блефует заранее? Шельмовать станет? Или впрямь уверена в своей карточной победе?.. Вопросы есть, так, но кто ж их задаст? Будем подождать, как говорится, а там уж... Что «там уж», Пастух не знал. Но и не озадачивался лишним. Пустое. Всяко проходили – и живы-здоровы. И едем пока...

А Бонд, хищник битый-перебитый, пуганый-ловленный, уже снова всю улыбался, уже доставал колоду из кармана – ну, у нас с собой было! – уже махал бармену, чтоб тот убрал стол от остатков завтрака, и бармен поспешил-поспешил, посуду унес, салфеткой со скатерти какие-то крошки смахнул, спросил:

– Что-то из напитков? Может, шампанского?

– Тряхну стариной, – сказала Марина. – Коньячку мне, родной, принесите. Только хорошего. Есть у вас в России хороший?

– Непременно, – льстиво сообщил бармен. Ему явно нравились пассажиры. Тем более что одни они в ресторане остались. А и то верно: к обеду настоящая публика подгребет, а пока... – Армянский. Марка «Отборный». Раритет нынче. Специально храню...

– Всю бутылку неси, – распорядился Бонд. – Как прежде говорилось, разольем и распишем на троих.

А колода у него с собой была даже не распечатанная. Как, слышал Пастух, уважающие себя игроки любят.

Он достал ее из кармана брюк, содрал обертку, положил колоду на стол.

– Вы с нами, молодой человек? – спросил у Пастуха.

– Я – пас, к сожалению. Не научился, – сказал Пастух правду.

Он не умел играть ни в преферанс, ни в покер, ни даже в буру, разве что в дурачка легко перекинуться, как это случалось еще в армии, в Чечне, в Таджикистане, потом – очень большая Африка, да и потом – когда армии перестали воевать в открытую и пошли не слишком-то и тайные, но все же не объявленные войны в разных краях Родины, а еще потом и вовсе тайные – далеко за ее пределами, и уж не до карт стало... Разве что ну очень крупномасштабные иной раз надобились...

– Тогда вы будете «болваном». Не обижайтесь. Это виртуальный персонаж для игры вдвоем, в «гусарика», «болвану» сдают карты, как третьему, и открывают их. Уж извините, что так сказало: вы у нас не виртуальный, а во плоти...

– Стерплю, – вроде бы по-светски ответил Пастух. Добавил ворчливо: – Болван во плоти.

Он вообще-то слышал этот карточный термин-прозвище – «болван». Оно в данной ситуации всемерно подходило ему. А что? Двое заняты хоть каким-то, но делом: пас, вист, ремиз... А он, Пастух, кукует обок. Наблюдает за процессом пассивно. Но с другой стороны, отчего бы и не побыть болваном малость? От Марины все равно не отойдешь, значит – сиди, помалкивай, слушай карточные реплики. А если она все же проиграет, то, похоже, и впрямь придется сходить с поезда. И что делать? Ждать следующего? Сутки где-то в жопе мира перекапываться? Очень не хочется. К тому же опасно. Плюс – исключено по определению. Так что оставался в теории лишь некий вариант: выкинуть Бонда за борт и сделать вид, что ничего не было. Это несложно...

Пастух молчал, потому что по его роли «сопровождающего от Академии наук» протесты не планировались. Его, Пастуха, дело – пасти Марину. И помалкивать в тряпочку.

Хотя позвонить Наставнику придется, если и впрямь Марине сойти выпадет. Какое-никакое, а все же ЧП...

И покатило.

– Вправду на вылет играем? – спросил Бонд.

– Вправду, – сказала Марина. – Кто по сумме партий проиграл, тот и выходит. Полагаю, если я продую, то нам с Пастухом придется сойти с поезда вдвоем.

– Просто садизм с мазохизмом какие-то... – нерадостно заметил Бонд. – Ну, как хотите. Желание прекрасной дамы – закон... Сколько партий?

– А сколько до обеда успеем.

И начали. И катилось все это не много, не мало, а почти полтора часа. Уж и к обеду люди подходить стали, уж и бутылка коньяка «Отборный» почти допита была, в основном Бондом,

Марина второй бокал еле-еле цедила, уж и станция Белогорск за окном образовалась, стоянка полчаса, уж и Пастуху не сиделось, а хотелось как минимум по вагону-ресторану, размять ноги, даже выйти на перрон. А они играли. Пастух счет партиям потерял. Он и не подозревал, что Марина столь азартна, хотя играла она спокойно, очевидно расчетливо и как-то даже медленно: тянула паузы между сдачами...

И – главное! – никто на нее, на Марину, не пытался покуситься. Ну – никто! И хотя вагон-ресторан уже наполнился страждущим обеда народом, ни один из присутствующих мужеского пола не вызывал у Пастуха никаких подозрений. Тать ожидался, а татя не обнаруживалось. Даже Бонд на его роль как-то не слишком подходил.

– Прикупаю, – сказала Марина и взяла две карты.

Умостила их в колоде, пробежала пальчиком по своим картам, сняла две, сбросила, сказала:

– Вист.

– Пас, – сказал Бонд и положил карты.

– Закрываем казино. Время обеда, как видно. И восемь – шесть в мою пользу, уж не обесудьте, – сказала Марина, привычно улыбаясь детской счастливой улыбкой. – Готовы выслушать мое желание?

– Я весь в соплях и печали, дорогая Марина, как вы меня, профессионала, да так с налету... Может, я поддавался вам?

Вопрос был вроде бы куртуазный, ан подтекст в нем наличествовал: может, он и вправду поддался женщине, которую, не исключено, и подстерегал? Пастух, вообще-то его подозревал не по-детски и во всех грехах мира и подумывал: ну, просрал он в картишки, так, и что с ним дальше делать? Терпеть шесть суток подряд? Или все же вариант: по-тихому из вагона – на насыпь, как тех ночных мужичков?..

Пока все вопросы – теоретические. Пока.

А Марина возьми да и скажи:

– У вас есть десять минут на сборы, Борис Павлович. Надо успеть. Мы с Пастухом вас проводим из вагона на перрон и помашем ручкой. Вот и все мое желание.

И встала. Махонькая, круглая, уютная, лицо серьезное, губы сжаты в ниточку. Типа: проигравший – платит. А цена известна, оговорена, возражений, помнится, не было: на вылет. Буквально.

– Как? – с искренним изумлением спросил он. – Мне ж в Москву надо, там дела...

На секунду или на сколько-то он потерял лицо. Лицо Бонда. Человека, не теряющегося ни в какой ситуации. Пастух поймал эту секунду и мимолетно пожалел мужика: проигрывать всегда обидно, а вот терять лицо... Стыдновато. Можно не продолжать.

Но эта была всего лишь секунда. Она промелькнула, и Бонд уже вел себя буквально как Бонд.

Встал, счастливо улыбаясь, наклонился к руке Марины, поцеловал в ладонь.

– Был рад безмерно, – сказал. – Сколько стоим?

– Уже минут пятнадцать. А всего – тридцать. Долгая вообще-то стоянка, – тоже улыбаясь, сказала Марина.

Бонд управился за семь минут, надо отдать ему должное. Пастух заметил время. Бонд спустился на перрон с небольшой дорожной сумкой черной кожи, поставил ее на асфальт, сказал:

– Был счастлив знакомству. И горжусь. Надеюсь, увидимся еще?

– Это вряд ли, – сказала Марина, тоже всюю разулыбавшись. – Вы, полагаю, самолетом в Москву?

– Не исключено, – улыбнулся Бонд, – уж помучаюсь малость. Bon voyage, Марина...

Даже легенду о самолетофобии сдал. Но в принципе красиво получилось. И Бонд в общем-то лица не потерял. Молоток! Конец первой серии.

И пошел. С Пастухом не попрощался. Зато Пастух заметил, как он, уже уходя, легко кивнул какому-то не видному со спины мужчине, стоящему у вагонных ступенек. А тот чуть кивнул в ответ. И полез в вагон, отдав проводнице билет. Кейс у него с собой был, ничего более. Цепочка, похоже, не прерывалась. Марину пасли. Бонд почувствовал, что прокололся и что прокол засекли, или как минимум он стал чем-то неприятен Марине. Потому без возражений и сошел в Белогорске. Плюс – толково сыграл достойно проигравшего. А сменщик вошел. Плановая смена караула? Может, и факт! И не исключено, еще кто-то в вагоне их караулит, носу почему-то не высовывая. Или высовывая, но неявно. Пастух этого «кого-то» пока не вычислил. Хотя... Пастух не хотел недооценивать Бонда. Казалось бы – никаких причин подозревать его в чем-то: ярок, обаятелен, велеречив и во всем этом убедителен. Так какого ж хрена его подозревать, образно говоря, в «Маринофобии»? Случайная встреча, случайное знакомство и отчего-то неслучайное расставание. С какого перепугу Марине сбрендило высаживать мужика даже не на полдороге, а на четвертушке ее или вообще на одной пятой? Спросить надо у нее.

А по ходу и не понять: Бонд этот и впрямь наймит неведомых врагов Марины и ее планов на будущее или просто вагонный игрок-профи, которому нынче не пофартило в игре?.. Бог знает...

Машинист впереди гуднул: мол, пора завязывать с Белогорском. Пастух помог Марине взобраться по ступенькам.

В купе Марина сказала:

– Как-то слабовато вы меня пасете, Пастух. Неужто ничего не поняли?

– Все я понял, Марина. Просто в вашей маленькой войнушке с этим Бондом помощник вам был не нужен. Сами справились. Но почему вы решили, что он – ваш потенциальный враг?

– Я не решила. Я знала. Он чересчур внимательно меня разглядывал еще во Владике, на перроне. И не входил в вагон до отправления.

– Как вы заметили? Мы же сразу вошли в купе...

– А дверь-то в коридор была открыта, Бонд... хорошая, кстати, кличка... мимо прошел... Ладно, я вам прощаю. Но сразу договариваемся: я – лучший пинкертон, нежели вы. Идет?

– Идет, – легко согласился Пастух. – Вы – лучший. Но я от вас никуда не денусь, уж не обессудьте... А почему вы решили, что это – слежка, а не обыкновенный интерес яркого мужчины к обаятельной женщине?

– Он не яркий, он блестящий. Как елочная фольга. А я, может, и обаятельная, но подзрительная. Это у меня с детства. И ведь редко ошибалась. Меня покойный муж шпионкой называл. Шутил... А слежка... При чем здесь она? Мне не нравится, когда кто-то начинает со мной кокетничать. Особенно те, кто явно моложе меня. Дурная игра! Я ж не забываю свой возраст, знаю ему цену и не желаю забывать. Уж простите...

– Ваше право. Лично я посмотрел прекрасный спектакль под названием «Игра на вынос». Буквально... А как вы думаете, кто за вами пустил слежку и зачем? Если это слежка, конечно, а не наши подозрения...

– А вот это не мой вопрос, – засмеялась Марина, – а принимающей стороны. В первую очередь – ваш, товарищ из Академии наук. Я подозреваю, а вы, как профи, мои подозрения либо подтверждаете, либо опровергаете. Зачем меня пасут, а, Пастух? Я же простая, разве что шибко ученая женщина, но моя ученость не секретна – раз, не претендует на прикладной интерес к ней – два, не прибыльна – три, и вообще наши с мужем исследования сугубо теоретичны и будут таковыми еще черт-те сколько лет. Моей жизни точно не хватит... Так кому я нужна, бодигард мой милый?..

– Не знаю, – честно сказал Пастух. – Но я, в свою очередь, всего лишь сопровождающий. Если совсем просто – охранник. Мне и не требуется знание о причинах, по которым вам выде-

лили охрану в моем лице. Я должен вас охранять до конечного пункта. Всего лишь. Поверьте, это в моих силах. А в ваших силах мне помочь. Как, возможно, в случае с вашим карточным партнером...

Он давным-давно не играл роли «всего лишь сопровождающего», все его боевые и не очень боевые роли были премьерскими, если театральную терминологию вспомнить. А здесь он впервые за долгие годы работал на втором плане, чуть ли не статистом, «тенью». И вот странно: не запахло ему это было. Нравилось даже. Да и разве предскажешь заранее, что случится через минуту, через час, через день?.. Нормальный, до боли знакомый процесс выжидания: лежишь весь в веточках и травке за какой-то мохнатой кочкой и ждешь. Может, победы, а может, смерти...

Но все это не про нынешнюю его роль! Какая, к черту, смерть? Как там в старых хороших стихах: «Это тряска, это качка, ничего в ней нет такого. Это школьная задачка: поезд шел из пункта А. Это маленькая повесть все о том же: ехал поезд. Ехал поезд, ехал поезд к пункту Б из пункта А». И – ничего больше!

Помолчали. Сидели на диванчиках друг против друга, смотрели в окно. Там как раз вокзал поплыл назад, полчаса стоянки завершились.

– А мы так и не пообедали, – вдруг всполошилась Марина, – а есть хочется...

– Говно вопрос, – некуртуазно сказал Пастух, твердо зная, что Марину это не нагрузит. – Я зову проводницу. В купе пообедаем.

Ясно даже и ежу: Марину пасли мягко, но неостановимо. Кто-то заказал слежку. Зачем-то. Очень неявную. Ненавязчивую. Так, вприглядку. Они хотят – предполагал Пастух и другого варианта пока не видел, – чтобы объект их слежки тихо и мирно добрался до конечной станции, то есть до Ярославского вокзала. И не исключено, время от времени в каких-то «долгостояточных» пунктах филеры сменяют друг друга. Как сменили Бонда. Хотя тот, по мнению Пастуха, явно собирался ехать до конечной станции. Но просто не выпало ему. Пришлось сойти. А сколько глаз вместо него осталось? Одна пара? Две? Три?.. Пока все филеры ведут себя пристойно, не напрягают. А нового пассажира Пастух зафиксировал. Более того, он его знал. И знал давно и, не к большой радости, отменно.

Глава третья

Новый пассажир, очередной, судя по всему, филер, перемигнувшийся на перроне с Бондом, поселился через одно купе от Марины с Пастухом, место в нем свободным оказалось, да были, были в этом понтовом вагоне свободные места, не всякий странствующий их цену потянет. Через открытую купейную дверь Пастух видел, что филер вышел в коридор и встал у вагонного окна. Многолюдно Марину они пасли, сменных топтунов не считали. Спросить бы, кто эти «они», так ведь не ответят, суки, да и спрашивать не у кого...

– Я выйду минут на пять – десять, – сказал Пастух Марине. – Похоже, один старый знакомый в вагоне объявился.

Пастух подошел к новому пассажиру, встал рядом, сказал, глядя в окно:

– Здорово, Стрелок. В топтуны, выходит, подался?

– Платят, – коротко ответил Стрелок, ничуть не удивившись неожиданному вопросу. А может, и ожидаемому. – Жить-то надо. У меня вон племяши каждый день жрать хотят, двое их у меня... А ты, как я заметил, поводырем прирабатываешь?

– Случается, – подтвердил Пастух, – но не в деньгах радость. А в том, что не всякому выпадает такое, чтоб с умным и интересным человеком без малого неделю провести.

– Это ты о бабушке о своей?

– О ней. Тебя наняли присмотреть за ней или что-то покруче?

– По ситуации, Пастух, мне доверяют выбирать. Но «покруче» – это уж крайность, Пастух. Говоришь, умная бабушка? Так послушаем, потолкуем, вдруг ты и прав. Тем, кто меня нанял, умные как раз и нужны. Познакомь меня с ней. По старой дружбе.

– А кто тебя нанял?

– Служебная тайна. Деловые люди, Пастух. Никакого криминала, чистый бизнес, поверь старому другу.

– Что-то старые друганы и их дружбы быстро стареть стали, очередной войнушки, что ли, в жизни не хватает... – Пастух схватил Стрелка за ворот куртки, притянул к себе. – Будь умником, Стрелок, Христом Богом прошу, ты меня знаешь...

Стрелок силой оторвал руку Пастуха, сжал ее.

– Не божись зря, – сказал. – Я ж просто познакомиться, не бзди. – И шагнул к открытой двери купе. – Здравствуйте, – сказал Марине, – я – Стрелок, давний кореш Пастуха, а вообще-то мама меня Петром назвала. Она у меня точь-в-точь как вы – метр с кепкой...

– Как я – это полтора, если босиком и без кепки, – сказала Марина. – Садитесь, Петр, рада с вами познакомиться. Вы, оказывается, знаете покинувшего нас попутчика – Бориса Павловича. Близко или так, шапочно?

Выходит, она тоже заметила их легкие приветствия друг другу – там, на перроне.

– Пересекались по жизни как-то, было дело. Так, мимолетно... – сказал Стрелок.

Насчет «мимолетно» соврал, разумеется. Пастух не стал подлавливать, смолчал, ждал продолжения. Вопросы к старому знакомому у него были, но приватные. Не исключено – с рукоприкладством. Только оно сейчас – не вовремя, лучше помолчать малость, послушать, что старый боевой дружан нести станет...

Но – не случилось.

Вагон сильно и резко дернуло, еще раз дернуло, где-то обок, за стенами вагона что-то большое и железное ударило о такое же большое и железное, загремело, заскрипело, и поезд быстро и мощно стал тормозить. Пастух еле успел поймать Марину, которая на полке не удержалась, а Стрелок спас от падения все, что располагалось на столике.

В соседних купе гремели низвергающиеся с полок чемоданы.

– Кто-то «стоп-кран» рванул, – сказал Пастух.

– Неужели сбили кого-то? – ужаснулась Марина, заново умащиваясь на своей полке.

Поезд встал. Пассажиры в соседних купе и в коридоре галдели, какой-то детеныш громко плакал. Пастух вышел в коридор: народ, вполне целый и не побитый даже, толпился у окон. Самые любознательные пытались протырить в тамбур, но предусмотрительная проводница, выходя туда, дверь вагонную от народа заперла.

Пастух в окно глянул. Большой зеленый «МИ-восьмой» неторопливо садился метрах в ста с лишним от железной дороги, обок редкой и ровной лесополосы, где росли молодые березки и под стать им молодые клены.

– Сидите в купе и носу не высовывайте, – приказал Пастух Марине. – А я – мухой туда-сюда...

– Я с вами, – заявила Марина и понеслась к двери в тамбур, тесня любопытных пассажиров, которые – раз уж на волю не выпускают – окна в коридоре пооткрывали. Чтоб, значит, виднее.

Пастух настиг шуструю бабульку у выхода в тамбур, невежливо оттеснил ее и быстро отпер дверь вагонным ключом.

– Я с вами, – повторила Марина склочным профессорским тоном, и Пастух не стал спорить: хочет – пусть идет. Вернее – стоит.

– Спуститься на насыпь и ни шагу от вагона! – Снял ее со ступеньки и поставил столбиком. – Позу поменяете – убью намертво! – сложно так завернул.

А тут вслед и пассажиры из вагонов посыпались на ту же насыпь. Пастух о такой массовке и не подумал на бегу, скверно, конечно, но исправлять собственную недодумку поздно. Поезд встал в чистом поле вдалеке от станций – что может быть интереснее, чем наблюдать за процессом стояния? А вдруг да случилось что-то неожиданное: топливо кончилось, цилиндры – или что там внутри? – в дизеле накрылись, пассажир или даже машинист, что круче, сразу заболел страшно, и вот уже прилетел красивый и вместительный вертолет «МИ-восьмой», поисково-спасательный, с неожиданными пассажирами и со сменщиком, а тот окажется прекрасной женщиной...

А вот хрен вам, а не женщина!..

От вертолета к поезду бежали мужики, одетые в привычную десантную форму, только без знаков различия – так, туристы на отдыхе, разве что вооруженные: пистолеты в руке у каждого имелись и внятно демонстрировались. Типа атака. Взятие вражеского поезда малочисленным контингентом. Типа взвод. Малый. Человек десять или восемь их было, Пастух не стал считать.

Да и пусть бегут. Пистолеты – это так, пугалово. Этим мужикам, соображал Пастух, и не требовалось кого-то убивать. Да и понятно: при виде амбала с оружием каждый мирный пассажир обосрется немедленно... Куда они бегут? Да сюда они бегут. Кто-то к тепловозу, кто-то к первым вагонам. И что ему, Пастуху, делать в этом случае? Да ничего особенного! Надо эвакуировать на насыпь всех пассажиров... А за чем вооруженные мужики бегут? Да уж не на поезд опаздывают. Они его, ясный болт, и тормознули каким-то подручным способом. Дерево, к примеру, на рельсы уложили или еще как-то. Скорее всего пойдут по вагонам – грабить. Скорее всего. Быстро, чисто и, очевидно, без трупов. На кой хрен им трупы? Это – вышка. А грабирово, если поймает, – это всего лишь срок. Статья сто шестьдесят первая Уголовного кодекса России, пункт два, грабеж, совершенный организованной группой с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, от шести до двенадцати лет. Но кто ж их, не просчитанных, поймает, если они действуют как неуловимые мстители из древнего хорошего фильма? Пока никто. Но лучше, лучше всем пассажирам выйти на насыпь и постоять там, пока мужики станут шерстить пассажирские чемоданы. Все безопаснее – на свежем воздухе да в мирной толпешке. И без эксцессов...

Этакий крепкий вестерн с Пастухом в роли вовек незабвенного Клинта Иствуда.

Да, кстати. Вопрос по ходу: откуда у бандитов штатный поисково-спасательный борт? У «армейских» на часок увели? Сомнительно... Ответа нет, Восток – Дальний, огромный, просторный, тайны его велики есть. Где-то велосипеды угоняют, где-то – машины, а здесь – вертолеты. По просторам и случившееся...

Оглянулся. Марина была там, куда Пастух ее поставил. Стояла она уже в малой пассажирской толпешке, смотрела, ждала событий. Они ж всем всегда страшно интересны. Ну непробиваемый у русского человека менталитет! Поведут на расстрел, а он примется расспрашивать: а вы в меня пулей стрелять станете или картечью? А как больнее? А какой у вас калибр?..

Ладно, сам себя оправдал и уговорил. Да и то верно: скучно ехать и ехать, ограничив себя купе, коридором и тамбуром. Пусть людишки на свежем воздухе посудачат, посудачат... И Марина с ними.

Ему ж спокойнее: клиент постоянно должен быть в поле зрения сопровождающего. Пусть даже издали. А уж если что там, то есть издали, не так, то на сей случай Пастух сам худо-бедно справится, не впервой. Да и что там может быть не так: бревно на рельсы условные соратники условного Бонда и впрямь выложили, а еще перевели где-то впереди стрелки, и встречный поезд с их «Россией» нос к носу столкнулся – б-бам-м!

Лишние вздорные домыслы...

Да и никакого особенного «б-бам-м» не было.

А тут и Стрелок следом подоспел. Под легкой рубашечкой под левой рукой проглядывались очертания кобуры. Вопрос к месту: чем поезд толерантнее самолета? При входе в вагон пассажира не прозванивают, а войти на перрон к поезду можно и не официальным путем, пробовали, особенно на таких махоньких станциях, как Белогорск, где смена «караула» Марины и произошла.

– Не прогоняй, – сказал Стрелок, – я ж, Пастух, пока тебе не враг, а может, и не стану им. Да и вдвоем надежней. Как прежде...

Резонно было.

– Если что, убью, – сказал Пастух.

– Согласен, – ответил Стрелок и полюбопытствовал у стоящей перед вагоном проводницы с красным флажком в руке: – Что случилась, хорошая? И зовут-то тебя как?

– Не знаю, – ответила проводница на первый вопрос. И тут же на второй: – Света.

– Бандиты какие местные?

– Не знаю! – уже раздраженно повторила проводница. – Бревно там, что ли, на рельсы поклали? Как в прошлый раз. Или лось какой перебежал... – И к пассажирам: – Вы б лучше, чем зырить по-пустому, за своими денежками присмотрели. Если не лось, то эти гады шарить по вагонам пойдут наверняка, мало не покажется...

– А что было в прошлый раз? – спросил Пастух.

Среди его версий «бревно» наличествовало.

– Две пятницы назад выдалось. Как раз на этом месте. Сменщица, подружка моя рассказывала.

– Подробнее, – попросил Пастух.

– Ну, поезд, как и теперь, встал, а бандиты по вагонам ломанулись, пассажиров малость побили, деньги и там всякие дорогие вещи забрали, все купе перевернули, гады, одного пассажира ранили ножиком, не тяжело, правда. И все это – ну, минут за десять, ну, пятнадцать, ну, двадцать, самое большее, – учинили и улетели...

А все ж хороший вопрос: откуда у них вертолет? И еще: случившееся – оно из ряда вон или рутинное для здешних мест событие?.. Ответа пока нет...

А бегущие к составу «ковбои» веером рассыпались: двое к тепловозу, а остальные к вагонам. «Калашников» со стороны тепловоза гулко шпарил короткими очередями, но явно мимо,

поверху, над головами бегущих. Чей «калашников»? Тепловозная команда, что ли, вооружена? Или с ними какой-никакой охранитель едет?..

– Дуй к тепловозу мухой, – приказал Стрелку Пастух, – прикрой машинную команду. А я этих гавриков встречу, они ж небось на вагоны нацелились...

Стрелок и рванул к голове состава. Он тяжело бежал по насыпи, оскальзываясь, обваливая грунт. Оттуда, от локомотива раздались выстрелы. Очередью. Короткой.

– Отстанет, – заволновалась Марина.

– Вряд ли, – усомнился Пастух.

Его насторожила фраза проводницы о «прошлом разе», хотелось подробностей, но не время, события торопили отчаянно.

– Всем стоять тихо, не двигаться, не кричать! – гаркнул он пассажирам, которые, как видно, еще толком и не поняли, что не веселое дорожное происшествие с ними стряслось, а смертельно опасное. Буквально! Эти отморозки, что вскакивали в ближние вагоны, были с оружием. По крайней мере – пятеро из них, у каждого в руке что-то вроде любимого населением «макарова», хотя издалека не очень и видно было.

Хорошо, что пока паники не случилось, а несколько вооруженных мужиков на него одного... ну, прежде и побольше бывало, однако жив, здоров и практически невредим. Да они, если не дураки, по вагонам рассыплутся. Не толпой же грабить.

Еще раз оглядел стоящих у вагона пассажиров – вроде бы как «своих», хотя они все «свои», у каждого вагона по крохотной толпешке маячило, а и то понятно: долгая дорога, скучно, а тут – ну прямо бесплатное представление... Ну, никто не понимал, что оно вполне может оказаться кровавым... А все ж таки хорошо, что много пассажиров вышло на насыпь. Хотя кто-то наверняка остался. Но все спокойнее, когда большинство – вне игры. Живее будут.

Подмигнул Марине – она стояла столбиком, молчала, сжав губы, судя по всему – что-то соображать начала, это славно, только бы паники не стряслось, – и вскочил в родной вагон.

Он попал туда как раз за двумя парнями, перешедшими из предыдущего по междвагонной «гармошке» или «суфле», как его железнодорожники зовут. Они были веселыми и расслабленными, эти ребяточки, они знали, что никто не встанет против двух надежных «макаровых» и неискренней вежливости, за которой были всего лишь те же «макаровы», умеющие, как они считали, все. В том числе и обеспечить милую покорность тех пассажиров, которые почему-то не вышли из вагона, остались в своих купе. Что ж, «макаровы», ясное дело, вещь надежная, знал Пастух, толковые отечественные боевые стрелялки о восьми патронах каждая, цена на рынке примерно в районе штуки американских рублей за ствол и выше, в общем-то – доступно всем страждущим по личному оружию. Но вот хорошо бы они не стреляли. Надо постараться...

Один из парней уже начал обход купе с одного конца, а второй, пройдя вагонный коридор, выгонял пассажиров, так сказать, навстречу. Бандитам, видать, тоже пассажиры были в лом. Они явно выжимали оставшихся и нелюбопытных в коридор, а потом – в тамбур и на волю. И – никаких физвоздействий. Пастельный этюд прям.

– Осмотр вагона, – нудно повторял один из парней, – всем собраться на насыпи, далеко не отходить, в вагоне может быть бомба.

Это или что-то другое действовало. Все немногие оставшиеся в купе стадно тянулись к выходу.

Купе проводницы, как и положено на остановке, было заперто. На всякий пожарный Пастух постучал. Никто не ответил, что объяснимо: проводница вместе со всеми пассажирами дышала свежим воздухом, а вторгаться в ее очевидно небогатое обиталище парням было незачем.

Пастух вошел в первое купе, где один из налетчиков уже толково и споро работал: выворачивал на постель сумки, шарил в содержимом, не трогал всякие баночки-шманочки, а вот почему-то косметику в сторонку отложил, складной нож со множеством лезвий и иных при-

способлений в карман сразу сунул, платок женский шелковый хапнул – явно для кого-то своего, вернее – своей, а уж никак не на продажу. Он аккуратно и быстро шмонал одежду, висящую на вешалках, подымал матрацы на полках и, к вящему удивлению Пастуха, кое-что нашел. Бумажник из мужского портфеля, а с ним небольшой пакетик, обернутый в носовой платок, развернул, а там – пачка розовых пятитысячных, по виду на пол-лимона деревянных, а то и на лимон тянет, не исключено – тяжким трудом на Дальнем Востоке заработанным. Уложил в борсетку. У парня да и у подельников его не было в руках каких-то больших емкостей – сумок там, мешков полиэтиленовых. Обычные рюкзаки имелись, потертые, справно служивые. Туда и платок уложил, и какие-то найденные в карманах одежды документы – очень полезные предметы для воров, себе не сгодятся, так продадутся. Еще коробочка нашлась, маленькая, от парфюма какого-то, а в ней – кольцо и серьги, а уж из чего они изготовлены, Пастух издалека не оценил. Парень быстро и профессионально делал шмон. Пастух терпеливо следил за ним, а времени-то между тем прошло всего-ничего: минуты три, вряд ли боле. Пора было завязывать. И парню с добром жильцов этого купе, и Пастуху с парнем. Пастух ткнул стволом «глока» с глушителем в бритый затылок, сказал вежливо:

– Руки подыми...

Тот непроизвольно дернулся, явно испугался, но не спасовал – резко обернулся, вскинув «макаров», а Пастух возьми и выстрели. Негромко в общем-то. Как раз в руку с пистолетом и попал.

И зря.

«Пацан» трубно заорал от боли, видать, не стреляли в него никогда прежде, не знал, что пуля в кость – это очень больно, ухватил второй рукой раненую, прижал к груди, сел на полку, глаза закрыл, забаякал руку и завыл волком. Ну больно, больно и вправду было, знал Пастух, но чтоб так верещать... Двинул орущего рукояткой пистолета по шее, место там такое заветное есть, и бандит временно отключился, оборвал вой, сложился и беспамятно прилег на постельку. С утра не прибранную.

А Пастух хотел выйти в коридор, но не успел, потому что в дверном проеме сразу наткнулся на второго «пацана», услышавшего вопль лучшего корефана. Второй был покрупнее, постарше и очевидно мощнее напарника. Первый тяжелый вес. До девяносто с чем-то килограммов. Этакий cruiserweight. Покруче приятеля. Но не умнее.

– Где Вовка? – тупо спросил он у Пастуха и приставил ствол к его виску.

Пастуху издавна очень не нравилось ощущение ствола у виска. Холодно и, как ни крути, стремно. Он перехватил руку со стволом, вывернул ее за спину круто, до боли, знал, нестерпимой, и «пацан» непроизвольно взвыл и, пытаясь уйти от боли, бухнулся на колени, чуть ослабляя захват, а тут некстати в вагонном коридоре шумно затопали, и в купе сначала влез ствол «калашников», а следом возникло лицо его владельца.

– Всем на пол! – заорал владелец.

Он был, на автомате отметил Пастух, в выгоревшей до серости солдатской гимнастерке со знаками сухопутных войск Российской Армии – жухло-золотенькими скрещенными мечами и одной широкой, тоже некогда золотой нашивкой-ленточкой. Старший сержант, значит.

«На пол» относилось к Пастуху, потому что первый «пацан», успокоенный Пастухом, уже лежал на полке и тихо кочумал, а второй – на полу и нещадно орал от боли. Не исключено, Пастух ему руку сломал. Бывает. Крепкие вообще-то ребята на поезд напали, надроченные, ясный пень, в «качалках», богатых «железом». Ан не помогло.

– Можно я постою? – спросил Пастух, подымая руки «в гору», но пистолет не выпуская.

– Это наш человек, напарник мой... – В купе втиснулся Стрелок.

– Где Марина? – спросил Пастух.

– Стоит у тамбура. Как все. Живая и веселая. Я приказал проводнице никого в вагон не впускать, пока машинист не посигналит.

– Как там у них?

– Помощника подранили. В руку. Несильно. Медсестричка забинтовала. Да им все равно в Иркутске подмена будет.

– А в вагонах что?

– Повязали солдатики ребятишек. Один ушел, взять толком ничего не успел, спугнули его солдатики, вовремя подоспели, а остальных – в багинеты и в предвариловку. Второй налет подряд. Первый местные силовики и вояки, естественно, просрали, а этот ждали. Информацию вовремя получили.

– От кого?

– Пастух, родной, это ж тебе не Москва, это ж тебе Восток и еще пока дальний. Здесь – глушь, провинция. А в чем ее преимущество? Все всех и обо всех знают. И помалкивают. Поэтому живы и что покушать и выпить есть. А когда вонять начинает сильно, то всегда известно, где одеколоном побрызгать. Банда, грабящая экспресс, – это очень стремно, Пастух, согласись. И очень громко. А здесь исстари воруют и убивают по-тихому. Чтоб в Столице не слышно было... Так что банда эта обречена была. Тем более она пришла, с северов. Мне майор сказал армейский, им досье из Якутии прислали. Там-то наших налетчиков поприжали, они сюда и перебрались. Понаехали. Короче, едем дальше.

– А что с машинистом?

– Он в порядке.

В купе всунула пухлую рожицу знакомая проводница.

– Через пять минут, сказали, трогаемся. Я всех пассажиров в вагон загнала и по купе рассадил. Правильно?

Она обращалась исключительно к Пастуху, по каким-то неявным признакам определив в нем старшего и над Стрелком, и над армейским старшим сержантом, несмотря на его потертый в боях «калашников». Пастух не возражал.

– Правильно, – сказал он. – Где моя спутница?

– Бабуленька ваша? – заулыбалась проводница. – Она в купе, она в порядке, она очень веселая и сказала мне, что никогда в своей жизни не видела ни одного бандита, а теперь вот увидела и это ни капельки не страшно, а интересно. И еще про вас все время спрашивает: а он жив, а он не ранен?.. Смешная такая...

– Ага, обхохочешься какая. Скажи ей, что я жив и цел, через несколько минут приду... – И к Стрелку: – Сколько их было, сосчитал?

– Бандюков-то? Десять насчитал... Они в кабине машиниста двоих со стволами оставили, а остальные по первым четырем вагонам, включая наш, прошлись с оружием, пассажиров на насыпь выгнали и почистили багаж. Армейские, говорят, знали, где-то неподалеку «на старте» сидели, почти успели. Почти... Двоих положили, двоих взяли, остальные смылись. Откуда и взялись-то? Неужто кто-то из армейских шалит? Как-то не верится... Машинист чего-то про это услышал, хотя ему прилично по башке досталось. Прикладом... Но все равно наши армейские – орлы...

«Наши» армейские... Выходит, он легко допускал, что армейские могут быть и не нашими. И не орлами...

И повторил свое «спасибо» двум парням в военно-полевой форме, влезшим в кабину. Один старлей, другой – уже знакомый старший сержант. Вместо «здрасьте» старлей, увидев явно посторонних Пастуха и Стрелка, сразу и спросил:

– Вы кто?

– Пассажиры, в Москву едем, – сказал Пастух. – Ну, едем себе, а тут поезд тормозит, за окнами палят, мы и ломанулись на помощь. Слава Богу, стрелять не пришлось... – Он демонстративно понюхал ствол и протянул старлею «глок», а еще и ксиву нужную «вездеходную»

достал из кармана – с российским гербом и скромной надписью «удостоверение» на коричневой кожаной корочке. – Разрешение на оружие, если надо, в купе, в сумке.

– Ладно, верю на слово. Спасибо вам за подмогу, – сказал лейтенант, забыв проверить документы у Стрелка.

Или не забыв. Ксива на двоих сработала.

Он врезал кулаком под дых тому, кто орал, тот смолк, и сержант с подоспевшим солдатиком вывели татей из купе, а потом и из вагона. Пастух последил в окно: плохо шли тати, больно им было.

– Эвона ж банда-то какая наглая и говенная, – сказал Стрелок. – Чьих будут-то?

– А тебе не по фигу? Сказано ж: пришлые...

– Теперь уж по фигу. Пусть менты любопытствуют... А не по твою ли душу ребятки в кучку собрались? – засмеялся Стрелок. – Или по душу Марины? Кто она? Миллиардерша? Глава конкурирующей банды?

– Вряд ли, – сказал Пастух.

Один никакой ответ на все неуместные и тоже никакие вопросы.

Хотя и не исключал такого варианта. Только трудно было представить себе целеполагание. Кому нужна Марина такой идиотской ценой? Ну, нужна кому-то. Ну, зашли бы тихонько в вагон, скрутили бы Пастуха, если б смогли, тюкнули бы по башке, пристрелили бы, наконец, а Марину придержали бы до следующей станции и – куда глаза глядят. Говно вопрос... Но тоже глупо. Никаких причин нет, чтоб ее крали с дороги. Или пугали абы как. Давешние ночные визитеры... Они были? Да, были. Спрашивали про Марину? Да, спрашивали. Нет их теперь.

И как-то она на всех этих татей несерьезно реагирует...

А Бонд?..

Ну, Бонд он или простой шулер – это неведомо. А вот наличие Стрелка, с Бондом знакомого, настораживает. Перебор уже. Хотя, знал по опыту Пастух, подозрение в подобных случаях всегда уместно, да и вообще уместно в его работе. Что-то в башке щелкнуло, мозг это «что-то» зафиксировал и подержит на выходе – до поры. Если ей, поре этой, суждено настать.

– Ладно я, – сказал Пастух, – помчался с пистолетом на выстрелы. Как юный пионер, блин. Но у меня хоть есть кого защищать. Марину. А ты с какого перепугу ломанулся?

– Пастух, окстись! Я, конечно, кроме других талантов, – наемный убийца, да, но не в этом случае. Меня купили за небольшие денежки, чтоб я твою Марину просто проводил до Москвы. Без эксцессов. Негласно. Просто приглядел за ней, если кто любопытствовать станет. И остерег бы. Ничего больше! Мне ее охранять наказали. Я ж не знал, что ты сам ее охраняешь. Кто-то, блин, из моих наемщиков тебе, видно, не очень доверяет.

– А что за наемщики?

– Меня с ними не знакомили. Большие дяди себя не светят, тебе ли не знать. А я что? Стрелок и есть стрелок. Со мной посредник общался.

– Да хрен бы с ними. А что Бонд?

– Какой Бонд?

– Ну, мужик тот, с кем ты на перроне переглянулся.

– А и верно, похож... Работали мы как-то вместе. Однажды. Но он же только игрок. Он отвлекает объект, затаскивает в игру, а я – или не я, или кто-то – свое дело делаю. А он платит.

– Какое дело?

– Плевое. Я тогда его напарнику по картам кое-какие бумажки в портфель подложил. В ресторане. Во Владике. А другие бумажки вынул и отдал тому, кто меня нанял. И все...

– На мелочи размениваешься, – сказал Пастух.

– А что, лучше в банду идти? К какому-нибудь Фиме Приморскому? Я уж лучше по мелочам. Все от уголовки подальше...

Минуты, отпущенные машинистом, пробежали. Тепловоз свистнул предупредительно. Вагоны лязгнули сцепками.

– Поговорим еще, – сказал Пастух. – Времени будет много. Ты ж нанялся за Мариной следить до Москвы. Ну и следи. Похоже, мы все-таки в какую-то жопу попали.

– Мы? Из-за Марины, что ли?

– Думаю, что она ни при чем. Слишком круто для очень пожилой тетеньки – и тебе слежка, и тебе попытка ограбления тепловоза и его команды. Со стрельбой...

– Может, не по ее душу? Ей и нас двоих – выше крыши...

– Тебя одного. А еще твоего знакомя, который сошел. Не исключено, еще кого-то, кого я не заметил пока... Но не бандюков же на нее натравливать!.. Это уж и не двадцать два, а все тридцать семь... Поживем – увидим, Стрелок, время есть, а Марина у нас одна.

– У нас?

– Ты ж за ней присматриваешь, да? А я сторожу. Нас уже двое, не так ли?

Стрелок подумал-подумал и сказал:

– Наверно, так. Лично я против нее ничего не имею. Хорошая бабушка. А присмотреть... Считай, у нас – четыре глаза...

– Двадцать семь минут просрали, – сказала проводница.

– Догоним, точная ты моя, – утешил Пастух. – Машинист же обещал.

– А вы бандитов видели? – Голос у проводницы был заговорщицкий.

– Увы, – сказал Стрелок, – они там далеко были. И местные ребята всех их повязали.

– Но этих-то двух говнюков мы повязали!

Она так этого хотела, чтоб «мы», и Пастух не стал спорить, подтвердил:

– Этих двух – мы. Все трое. Жди моментом медали, красивая, – на такую-то грудь...

Тихо кругом стало, спокойно даже, будто никакой банды с оружием и не случилось. Как отпустило. И то славно...

И опять спокойное время пошло. Как там у «горлана-главаря»: «Время – вещь необычайно длинная...» Очень верно сказано.

Глава четвертая

Марина сидела в купе и смотрела в окно. Смотреть было не на что. Вертолет, на котором прилетели армейские, уж и улетел с ними, с армейскими. А второй, бандитский – с повязанными бандитами и улетел. С живыми и мертвыми. Как в поговорке: каждому по делам его да и воздастся... А тепловоз впереди засвистел страшно, вагон дернулся и сразу пошел плавно, набирая, набирая скорость. Поехали, значит.

А якутскую банду, практически голливудское нападение на поезд, панику, которой Пастух в общем-то и не заметил, – все это проехали, оставили позади. Кроме, конечно, тех, у кого эти гаврики успели-таки «помыть» денежки и кое-что недешевое – занащенное, заныканное, запрятанное.

Как там на знаменитом полотне в Третьяковке: «Всюду жизнь!»

– А скоро у нас будет станция Иркутск? – вдруг спросила Марина.

– Там их две будет, – объяснил Пастух. – Одна – в тринадцать с чем-то, Иркутск-пассажирский, полчаса стоянки, а чуть дальше, минутах в десяти – пятнадцати, будет Иркутск-сортировочный, десять минут стоянка. Вам какой нужен?

– Как это вы так все знаете и помните? – восхитилась Марина. – Пассажирский, конечно! Там меня коллега встретит и пакетик маленький передаст.

Какой такой коллега? Откуда он взялся посреди Транссибирской магистрали? Что в пакете?.. Вопросы теснились, и Пастух предпочел выпустить их на волю:

– Какой коллега, Марина? Вы мне ничего о нем не говорили...

– А чего вы так вскинулись? – удивилась Марина. – Нормальный коллега. Ученый. Сибирское отделение Академии наук, Иркутский филиал. Профессор он, доктор наук, монография у него только-только вышла... Он у нас с мужем в Японии гостил в прошлом году, по обмену, очень хороший человек. Я с ним перед отъездом созванивалась, мы и договорились, что он наш поезд встретит. Монографию передаст. А то когда ж мы еще увидимся? Россия очень большая...

– Познакомьте с коллегой? – тактично спросил осторожный Пастух.

– Конечно-конечно! Как же иначе?.. Он вам понравится...

Помолчали. Коллега – это, пожалуй, не опасно, подумал Пастух. Не исключено, что и понравится...

– Славно едем, – сказала Марина. И любопытствовала: – А где ж ваш приятель?

Стрелка она в виду имела.

– Никакой он мне не приятель, – почему-то стал оправдываться Пастух. – Служили вместе как-то, где-то, когда-то. А где он?.. В своем купе, наверно.

Тут, как и положено по всем романно-сюжетным стандартам, в том числе и железнодорожным, Стрелок возник в двери.

– Вот что я подумал, – сообщил он, усаживаясь рядом с Пастухом. – Мы проигрываем вражеской стороне, потому что не знаем главного – причины враждебности. Чего они хотят? Украсть Марину? Убить Марину?.. – Тут Марина к месту сказала «Ах!» или что-то вроде, а Стрелок плавно объяснил: – Если б хотели, давно б убили. Один «бах» – и нету. Украсть, конечно, посложнее, потому что есть мы с Пастухом... – Он ненавязчиво включил себя в «группу охраны тела». – Или Марина везет с собой что-то, что наши недруги хотят непременно заполучить. Последнее, кажется мне, наиболее вероятно.

– У меня ничего такого нет, – быстро сказала Марина.

– А что есть не такого?

– Какого не такого?

– Ну, совсем не такого, – настаивал Стрелок. – Секретные документы, например... Какие-то супер-дупер расчеты по вашей физике, я не знаю... Физики ведь, да?.. Или, может, вы какие-то научные тайны сверхсекретные надыбали?..

Интересно, подумал Пастух, «надыбали», видишь ли... Он идиот – или так, прикидывается просто?

Спросил:

– А с чего ты решил, что у нас, то есть у Марины, есть недруги? Это бандиты вертолетные, что ли?

– Ну нет, не они, – сдал назад Стрелок. – Я Бонда имел в виду. Ну и ты говорил, что могут следить...

Марине сказанное явно не понравилось.

– Кому за мной следить? При чем здесь Бонд? Что за чушь? У меня нет и не может быть секретных документов. Наша с мужем последняя работа описана, опубликована в Японии, в Штатах, в России вашей, наконец. Она, соглашусь с неким ученым мнением, и вправду довольно фантастична, но сугубо теоретическая возможность перемещения из мира в мир – это не повод для кражи. Или нашим врагам нужна исходная рукопись? Так у меня с собой ее нет...

– А что есть? – настаивал Стрелок. – Ну, что-нибудь особенно для вас ценное?..

– У меня есть прах, – сказала Марина.

– В смысле? – не понял Стрелок.

И Пастух насторожился, потому что тоже не понял.

– Сейчас покажу, – сказала Марина и соскочила на пол. Именно соскочила: ноги у нее до пола не доставали. – Пастух, помогите забрать вон ту сумку. – Она протянула руку, указывая на цилиндрической формы черный кожаный баул, стоящий в багажном отсеке над дверью в купе. – Только аккуратно, пожалуйста...

Пастух очень аккуратно, полагая, что там что-то хрупкое, снял сумку и поставил ее на пол.

Марина достала из-под матраса толстый бумажник-кошелек, а из него золотой ключик и отперла тоже золотой замочек, висящий на бауле. Бережно-бережно вынула оттуда нечто похожее на большой термос – стальной матовый цилиндр. Умостила его на столе, села на свою постель, сказала:

– Здесь прах. Муж хотел, чтобы его кремировали, когда он умрет. Мы знали, что он умрет, болезнь была медленной и смертельной. Я выполнила его просьбу. Ничего более ценного в жизни у меня нет. Вы, коллеги, думаете, что бандиты за ним, за цилиндром этим, и охотились?

– А что? – загорелся Стрелок. – Версия! А чего он такой здоровый?

А Пастух сказал:

– Простите нас, Марина, мы даже не предполагали... – Не договорил, потому что не знал, что договаривать.

Он вообще-то помнил слова Наставника о том, что Марина и едет-то в Россию в первую очередь за тем, чтобы захоронить прах мужа на Новодевичьем кладбище, но информация эта как-то не всплыла в его башке в нужный момент, что, увы, есть скверный симптом. Ассоциативная память барахлит, старость, маразм, Боже упаси. А цилиндр и впрямь не маленький, по объему – полтора китайских термоса. Литра на два с половиной, если не на все три. Может, в махонькой Японии мания грандиоза наличествует?..

– Прощаю, – сказала Марина. – Поставьте-ка все на место.

Уложила футляр в сумку, заперла замок. Пастух вернул сумку на полку.

Помолчали. Как водится, пролетел тихий ангел.

– Тогда мы все в... – Стрелок не закончил фразу, помолчал, сказал раздраженно: – Тогда я вообще ни на фиг не въезжаю. Тебя, Пастух, поставили сопровождать Марину, меня – другие совсем люди – приглядывать за ней. Нашему общему приятелю Бонду, как ты его называешь, выпала фишка играть с Мариной в преферанс. Все те же яйца, только в профиль... А кто поручил бандитам на вертолете грабить поезд?..

– Эти-то здесь при чем? – возмутилась Марина. – Они ж даже не глянули на меня. Они ж просто грабили кого ни попадя.

– А если они искали ваш... э-э... стальной цилиндр? – Стрелок желал закрыть все версии. Марина засмеялась. Только как-то невесело. Обреченно. Будто вынудили ее.

– Пастух, будьте милым, достаньте-ка еще разок стальной цилиндр, как его называет наш коллега. Убеждать – так до упора!

Она, полагал Пастух, должна была обидеться. А она – ни в одном глазу: улыбается милой детской своей улыбкой, ногами болтает, ждет.

– Зачем? – все же спросил Пастух. И добавил на всякий случай: – Не надо бы, а, Марина...

– Надо, – сказала Марина. – Иначе мы втроем никуда не доедем. Между нами будет лежать... или стоять?.. прах моего мужа. Доставайте, доставайте, Пастух, я настаиваю. Иначе ваш коллега замучает себя и нас до кучи своими подозрениями. Ведь верно, Стрелок?

Стрелок не стал возражать.

– А то, – согласился. – Лучше бы чтоб без недомолвок там... по-честнаку. Мы ж все ж таки вместе здесь, сообща...

– Я в этом сомневаюсь, – сказал Пастух. Достал термос, поставил на приоконный стол. – Тарелку бы какую-никакую, только б чистую...

То, что они собирались сделать, он считал кощунством. Но очередная коса, как и положено ей, опять нашла на очередной камень. Фигурально говоря. А не фигурально – это из былого. Говенный в общем-то и не полезный камень, не шибко-то и надежный, как помнил Пастух еще по давней-предавней отечественной горной войнушке. От одного снарядика раскололся, хорошо – Пастух целехонек остался... Однако все это – прошлое, камни эти, земли эти, враги эти!.. Давно проехали.

Ан, похоже, отсчет по новой пошел...

А Стрелок сбегал в вагон-ресторан и мухой притаранил чистую сухую фаянсовую емкость – салатницу, похоже. Белую с синей полосой по краю.

– Не хватит, – сказал Пастух.

– С чего бы? – не согласился Стрелок. – Хватит вполне. Я сам видел. В две тыщи третьем, в Чечне. Были ребята, бугаи молодые, каждый на шесть-семь пудов тянул, а сгорели... Не дай Бог еще раз такое увидеть... Короче, хватит, я сказал.

И Марина добавила. Буднично, как о чьем-то чужом:

– Хватит, прав Стрелок. От человека после кремации остается два, много – три килограмма пепла. Плюс пепел от сгоревшего гроба. И из этой кучки в заказанный тобой стальной термос отсыплют совсем небольшую часть. Часть тела. Часть гроба... Не по-христиански, конечно... Но муж у меня ни в каких богов не верил. Он в физику верил... Высыпайте, Пастух.

И Пастух, отвинтив крышку патрона, высыпал в казенную миску пепел. Темно-темно-серый. Было его – кот наплакал. Граммов триста. И на хрена такое огромное хранилище для горстки пепла? Япония, блин, страна небольших, но самолюбивых людей...

А тут Марина заплакала.

Она плакала, как ребенок обиженный плачет – тихо, про себя, а еще и без слез. Она плакала, потому что подступило, потому что сильная женщина не все время подряд может быть сильной. Слишком много всего навалилось: смерть мужа, переезд в Россию, которая хоть и родная, но совсем незнакомая, вторые сутки в поезде, где с самого старта во Владике началась какая-то невнятная чертовщина, хотя и реальная...

Мужики сидели как прибитые, чуяли, что где-то в чем-то прокололись. А где и в чем? Да ясный болт, в требовании Стрелка проверить прах мужа в стальном «стакане» и прокололись! Бдительность – это нормально, а сверхбдительность всегда – двадцать два, да плюс к тому же еще и женщина очень немолодая, одинокая, обиженная. Мужа потеряла. Детей не нажили... Да просто одна она в этом говенном мире на исходе восьмого десятка собственной жизни. А ей вон вопросик шибко тактичный: а не спрятали ли вы, милая бабушка, в эту урночку секрет супероружия, которое прикрываете мифом о каких-то долбанных параллельных пространствах?..

– Встали и вышли, – тихо сказал Пастух.

Они встали и вышли в коридор.

И тут же услышали:

– Куда вы, черт побери? Поплакать даже нельзя... А ну назад! Вошли и сели...

Вернулись.

Марина сидела заплаканная, но улыбалась, как всегда, ярко и счастливо и ведь не играла в радость, подумал Пастух, а и впрямь радовалась, а фальшивить не научилась. Развернула платочек, которым глаза вытирала, и высморкалась в него. Все. Кончилась непонятка.

Приказала:

– Генуг, проехали. Сели и смотрим... – Ей нравилось командовать.

И она стала просеивать в пальцах темно-серый пепел, мягкий пепел, теплый на ощупь, сухой, легко осыпавшийся с ладоней.

Пастух чувствовал себя последним говнюком и подонком. Может, и не зря.

– Да все понятно, – сказал он, – пожалуйста, хватит. Только пепел. Ничего лишнего. Хватит, Марина, остановитесь, Христом Богом прошу...

– Вы ж неверующий. Чего зря божитесь?.. – Она аккуратно, чтоб ничего не просыпать мимо тарелки, потерла ладошку о ладошку, показала мужикам: мол, все чисто. – Что еще искать станем? Микроноситель? Как он выглядит? Он маленький? Как горошинка? Или как рисинка? Как его в пепле спрятать?..

– Не надо, Марина, – сказал Пастух. – Пошел перебор. Не надо...

– Надо, – сказала Марина. – Сказавши «а», договаривай до конца. До «я». Помогайте мне, мальчики, помогите. А то ж я пороюсь-пороюсь и скажу, что ничего не нащупала. А вы мне не поверите... Да что я говорю! Вы ж мне по-любому ни за что не поверите. Ищите сами...

Потерла ладошки над миской, как бы очистилась от праха.

– Ищи, – сказал Пастух Стрелку.

– Хватит, пожалуй, – сказал Стрелок. – Если б что и было, Марина б нащупала... Я сейчас...

И убежал куда-то.

Марина молчала. И Пастух помалкивал. Не хотелось говорить. Любое сказанное сейчас слово будет лишним. Каждое слово!

Пепел в салатнице на столе очень к молчанию подходил. Прямо как специально.

Но Марина так не думала.

– Не берите в голову, Пастух, – сказала она, как всегда улыбаясь. – Стрелок всех подозревает и правильно делает. Я сама не понимаю, почему на нас все время что-то сваливается. То милейший преферансист Бонд. То бандиты на вертолете... И все они по мою душу, так ведь выходит? Она ж не выдержит, хоть она у меня и молодая, как муж говорил... Что делать-то, а, Пастух?

Она, слава Богу, ничего не знала про тех двух ночных татей в тамбуре, которые давеча спланировали на насыпь...

Надо было отвечать.

– Ничего не делать. И не считать, что вся происшедшее – по вашу душу. Это, извините, гордыня, а то и чванство. Два эпизода – преферансист и бандиты – этого мало, чтоб делать какие-то выводы. Тем более что бандиты на вас и внимания-то не обратили. Вы у вагона стояли и голову тянули: ах, заметьте меня, господа бандиты, я – вот она вся... А они – ни фиги не заметили. Прав я?

Марина засмеялась.

– Хороший вы человек, Пастух. Легкий. А коллега ваш – солдафон и гордец.

Солдафон – это понятно, подумал Пастух, а гордец-то при чем? Но спрашивать не стал. Лишь объяснил туманно:

– Жизнь – она ведь разная...

А тут и Стрелок вернулся. С пластмассовой воронкой розового цвета.

Сообщил:

– В вагоне-ресторане выпросил. Обещал вернуть через десять минут... – И примерил носик воронки к стальному сосуду. Сказал радостно: – Как раз! Ничего не просыплет.

Ничего и не просыпали.

Уложили футляр в сумку, сумку – на полку. Поехали дальше.

Пастух сказал:

– Пойду в тамбур воздухом подышу. Ты со мной?

– Можно, – легко согласился Стрелок.

Они вышли в тамбур. Пастух достал из кармана связку заветных вагонных ключей, запер дверь в коридор и отпер вагонную. В тамбур ринулся сильный и не теплый ветер, шумно стало, колеса стучали на стыках так, что говорить было невозможно.

Но говорить Пастух и не собирался. Он, зажав в правом кулаке ключи, легко развернулся на каблучке и врезал Стрелку аккуратно в левый глаз и обок того. Мощно врезал. Не жалея. Знал, что мощно. Но глаз должен был целым остаться. Тяжелые ключи как хорошая свинчатка сработали. Стрелок чуть крутанулся, ноги отключились, и он рухнул на пол. Как проводница пол этот гребаный на остановках ни мыла, чище он не становился. А и то понятно: на «железке» своя грязь, особая, прилипчивая, да и много ее.

Сел на корточки перед вырубившимся из мира Стрелком, ждал терпеливо. Минут, наверно, пять прошло. Стрелок приоткрыл правый глаз, левый почему-то не открывался.

– Это ты меня? – спросил хрипло.

– А кто ж? – удивился Пастух. – Никого нет...

– За что хоть?

– За Марину. За то, что плакать ее заставил.

– Я запомню, – сказал Стрелок, пытаясь подняться с пола.

Плоховато у него получалось. Однако встал все ж, уперся рукой в стену вагона, стоял, покачиваясь. Но – стоял.

– Запомни, – согласился Пастух. – И еще одно запомни. Хоть словом, хоть намеком еще раз Марину обидишь, выкину на насыпь на полном ходу. Ты ж мне не друг, Стрелок, сам знаешь. И нечего им прикидываться. Терплю пока терплю... Короче, понял?

– Я попробую, – сказал Стрелок.

Открыл дверь в вагон и пошел по коридору, покачиваясь, придерживаясь рукой за стену. Дошел до своего купе, впал в него. Чего уж там соседу объяснял – не Пастуху о том думать. Отлежится Стрелок, заживет глаз, а память останется. Злая, конечно, но что Пастуху с того? Не впервой. Таких «стрелков» в его жизни – батальон как минимум. А то и полк. И большинство – покойники. А Стрелок пока жив. Все еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.